

Изъ писемъ Н. М. Лонгинова къ графу С. Р. Воронцову *).

Петербургъ, 3 Января 1813.

1813 годъ начинается при такихъ счастливыхъ для всего міра и счастливыхъ для Россіи предзнаменованіяхъ, что мнѣ остается только пожелать, чтобы Всемогущій въ Своей божественной благодати даровалъ вашему сіятельству здоровье и силы для полнаго воспринятія нашего счастья и радости, раздѣляемыхъ всѣми истинными патріотами при видѣ спасенія родины и близкаго освобожденія Европы. Зная чувства патріотизма самаго чистаго и горячаго, коимъ ваше сіятельство воодушевляемы во всякое время, легко могу судить, какъ велики должны быть счастье и удовлетвореніе вашего сіятельства въ настоящую пору. Вотъ еще одна причина, среди другихъ, заставляющая меня молить отъ всей души Всевышняго о продленіи вашихъ дней, графъ, дабы вы могли увидать исходъ того, что такъ хорошо начато: торжество праваго дѣла, предметъ всѣхъ вашихъ заботъ въ теченіи большей части вашей жизни. Присоединяю свои пожеланія къ вашимъ, графъ, да сохранить Европа навсегда память о славномъ примѣрѣ, данномъ ей Россією и, слѣдуя ему и соединясь съ нею, пусть она постарается подняться изъ того постыднаго и гнуснаго униженія, въ которомъ она погрязла такъ давно, что, казалось, и не выйдетъ изъ него. Небо въ своемъ гнѣвѣ наслало для ея исправленія самый жестокой бичъ. Если она способна использовать наказаніе, она должна теперь убѣдиться, что безопасность націй, народное спасеніе и спокойствіе міра не въ стѣнахъ Магдебурга или Шпандау, а въ храбрости, твердости и настойчивости каждаго отдѣльно и всѣхъ вмѣстѣ: что настоящій оплотъ счастья—любовь къ родинѣ и чувство національнаго достоинства, о

*) См. первую книгу „Русскаго Архива“ сего года.

который разобьется и самое необузданное честолюбіе, и самая жестокая тиранія. Счастливы народы, если они смогут оживить въ себѣ эти благородныя и великодушныя чувства, и тогда мы снова увидимъ золотой вѣкъ, и наши побѣдныя знамена, ведущія къ свободѣ и независимости Европу и всю вселенную.

Съ величайшимъ удовлетвореніемъ читалъ я копию письма, адресованнаго вашимъ сіятельствомъ Кутузову, которое долженъ ему передать адмиралъ Грейгъ. Не могу достаточно выразить благодарность за довѣріе, которое ваше сіятельство соблаговолили мнѣ выказать этимъ интереснымъ сообщеніемъ. Могу отвѣтить только такимъ же довѣріемъ и сердечнымъ признаніемъ, что я имѣлъ смѣлость прочесть это письмо Ея Величеству. Такъ какъ ваше сіятельство сказали, что содержаніе письма должно остаться между вами, графомъ М. и мною, то я долженъ просить прощенія, что поступилъ противно выраженной волѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ я твердо убѣжденъ, что получу просимое прощеніе, когда ваше сіятельство узнаете побужденія и обстоятельства, вызвавшія чтеніе письма тамъ, гдѣ оно не ожидалось. Такъ какъ Ея Величество постоянно помогала цѣлой толпѣ людей, разоренныхъ войною и число коихъ ежедневно возрастало до того, что я увидалъ, что средства Ея Величества изсякають, не взирая на то, что она отказывала себѣ въ малѣйшихъ личныхъ тратахъ, я однажды взялъ смѣлость замѣтить ей, что приближеніе зимы неизбежно увеличитъ число людей, могущихъ найти пріютъ и средства только здѣсь. Доходъ Ея Величества составляетъ 225 т. рублей, изъ коихъ 150 т. расходятся только на жалованье и пенсіи, остальное обыкновенно употребляется на добрыя дѣла и помощь тѣмъ, кто нуждается и достоинъ. Число неимущихъ возрастало до такой степени, что остатка дохода не могло больше хватать, тѣмъ болѣе, что всѣ обращались именно къ ней въ увѣренности не получить отказа. Мысль, явившаяся мнѣ, о частной и не очень разглашенной подпискѣ, была принята Ея Величествомъ съ благосклонностью. Она поговорила съ Головинымъ, Голицынымъ, Толстымъ, и первая попытка удалась довольно хорошо. Какъ только узнали сущность и побудительныя причины, явилась цѣлая туча людей съ проэктами. Графъ К., глава этого сорта людей и покровитель разныхъ учреждений, преобразованій и разобраній, не упустилъ столь прекрасный случай и представилъ по этому поводу объемистую тетрадь Государю въ то время, какъ у него было слишкомъ много занятій, помимо тетради К. Государь поручилъ государственному секретарю Шишкову пересмотрѣть проэкты и контръ-проэкты и сдѣлать изъ нихъ что нибудь цѣльное. Вотъ происхождение комитета и общественной подписки, заслугу коихъ оставили за Госуда-

рынею, такъ какъ дѣло началось подъ ея покровительствомъ. К. не упустилъ случая спрашивать о судьбѣ своего великолѣпнаго плана, и Государь, чтобы отвязаться, назначилъ его членомъ комитета, и онъ, по своему чину сталъ первымъ; бѣднякъ—слишкомъ счастливый быть чѣмъ нибудь въ этомъ презрѣнномъ свѣтѣ. Ея Величество всегда давала мнѣ свѣдѣнія о подпискѣ по мѣрѣ того, какъ она шла; но такъ какъ она никогда не упоминала К. между лицами, которыхъ бы она избрала, то я былъ очень удивленъ, встрѣтивъ его имя во главѣ всѣхъ. Имѣя случаи часто слышать о немъ различныя соображенія въ обществахъ, я взялъ смѣлость замѣтить, что назначеніе К. вызвало во мнѣ большое изумленіе и не скрылъ, что оно не очень понравилось публикѣ, потому что всѣ знаютъ спѣсъ и нечувствительность этой личности, а на это мѣсто нуженъ человѣкъ противоположнаго характера и болѣе уважаемый, нежели покровитель Сперанскаго, а впоследствии покровительствуемый имъ, который справедливо презираемъ всѣми. Вотъ тогда-то и узналъ я достовѣрную исторію этой личности. Ея Величество прибавила, что она сама была очень удивлена, видя его, входящаго со всѣми членами, избранными ею, для изъявленія благодарности за довѣріе, оказанное ему ею, и только черезъ нѣсколько минутъ узнала, какъ и почему это произошло. „Однако“, прибавила она, „вы, кажется, очень противъ К.; а онъ, по видимому, связанъ узами дружбы съ В.“—„Эта дружба“, отвѣчалъ я, „была, насколько я знаю, во всѣ времена довольно умѣренна“.—„Онъ, по крайней мѣрѣ, очень ее до сихъ поръ выставляетъ“.—„Вотъ то, что я знаю и могу смѣло утверждать, что онъ обманывается, желая обмануть другихъ“.—„О, я не обманута, я отлично знаю, что два характера съ такими противоположными побужденіями не могутъ согласоваться“.—„И доказательствомъ того“, прибавилъ я, „что между ними нѣтъ переписки*), и я могъ бы вызвать К. доказать противное и убѣдить въ мнимой дружбѣ кого нибудь мало-мальски знающаго того и другого“.

Послѣ этого судьба захотѣла, чтобы Качаловъ передалъ мнѣ въ тотъ же день письмо вашего сіятельства, гдѣ вы подробно говорите о высокыхъ дѣяніяхъ К., и я не преминулъ, при первомъ же случаѣ, прочесть выдержку, касающуюся его, говоря что раньше я высказывалъ о пресловутой дружбѣ свое сужденіе, а теперь я имѣю доказательство, что я не ошибался. Выдержка была выслушана съ особымъ

*) Т. е. въ это время переписка уже прекратилась. Графъ Семень Романовичъ писалъ графу Кочубею, когда тотъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, что его преобразованиемъ тяжелѣе восточнаго деспотизма. См. XIV книгу „Архивъ Князя Воронцова“. П. Б.

вниманіемъ, и замѣчанія вашего сіятельства найдены вполнѣ справедливыми, а нѣкоторыя и весьма любопытными, какъ на примѣръ: его бѣдность, его здоровье, его поѣздка и т. д., которыя повлекли для насъ за собою такія прекрасныя послѣдствія. Такъ какъ разговоръ возвращался нѣсколько разъ къ этой личности, то я счелъ нужнымъ сообщить содержаніе письма самому К., прежде чѣмъ онъ получитъ его самъ, и это обстоятельство придаю его способу дѣйствій еще больше интереса и именно такого, какого онъ заслуживалъ. Это сообщеніе вызвало благодарность въ виду того, что способствовало исправленію тѣхъ еще немногихъ заблужденій, которыя существовали относительно мнимой тѣсной связи К., коей онъ хвастался. Не знаю, останется ли у него послѣ упомянутаго письма прежняя наглость.

Все, что онъ пишетъ вашему сіятельству по поводу своего здоровья и бѣдности замѣчательно и заслуживаетъ, чтобы я вамъ все объяснилъ. Онъ не пользуется хорошимъ и прочнымъ здоровьемъ, но онъ никогда не бываетъ боленъ, не заболѣлъ даже послѣ пресловутой поѣздки, вызвавшей такія пагубныя послѣдствія и которая привела бы человѣка мало-мальски чувствительнаго къ агоніи, ни послѣ катастрофы съ тѣмъ, кому, покровительствовалъ и потомъ пользовался его покровительствомъ. Кто созданъ изъ кремня, какъ всѣ эгоисты, тотъ противостоитъ всему, ничѣмъ не волнуется и прекрасно себя чувствуетъ; что ни случилось бы съ его близкими, онъ ничего не чувствуетъ, потому что интересуется друзьями постольку, поскольку они ему нужны. Вотъ неизсякаемый источникъ здоровья К., и онъ болѣлъ только тогда (какъ замѣчаетъ ваше сіятельство), когда предвидѣлъ, что съ нимъ дурно обойдутся и даже могутъ причинить вредъ. Хвала Богу, немного людей, завидующихъ такому роду здоровья. У него долги, правда; но, Боже, какіе долги! За два раза онъ, по указу, занялъ около 400.000 р. если не больше, на десять лѣтъ безъ процентовъ! О другихъ долгахъ не слышно. Долгъ не разорительный, потому что изъ 40.000 р. дохода за 6—8 лѣтъ составилось теперь 160.000 р., и у него безъ сомнѣнія, года черезъ два, будетъ 200.000 р., потому что онъ не тратитъ и четвертой части, дѣлая видъ, что у него открытый домъ, гдѣ никто не бываетъ и который не блещетъ роскошью. Я не знаю побужденій его отказа отъ должности посла, но думаю, что выставленный имъ былъ смѣшенъ. Черезъ это онъ покидаетъ своего друга.

*

Петербургъ, 15 Января 1813.

Трегьяго дня были вѣсти о Его Величествѣ Государѣ, судя по которымъ онъ вчера долженъ былъ быть въ Виллембургъ, гдѣ, какъ

предполагають, Его Величество остановится на нѣкоторое время въ ожиданіи, какой оборотъ примутъ наши дипломатическія сношенія. Такъ какъ наши войска уже на Вислѣ и въ виду того, что одновременно мы узнали о занятіи Эльбинга и Мариенвердера, то событія не замедлятъ явиться въ настоящемъ своемъ свѣтѣ. Можно объяснить только приступомъ сумасшествія, что Прусскій король остается данникомъ Бонапарта, тогда какъ его народъ выражаетъ чувства противоположныя его поступку въ политикѣ. Въ Мариенвердерѣ едва не захватили Виктора и Богарнэ; наши казаки уже вступали въ городъ, когда они бѣжали, оставя намъ много плѣнныхъ и четырнадцать пушекъ. Мюрать и Бертье проѣхали Эльбингъ, какъ истые бѣглецы. Послѣ приказа, даннаго въ Кёнигсбергѣ, по которому солдаты, встрѣченные на *лѣвомъ берегу* Вислы будутъ считаться дезертирами и какъ таковые судимы и наказаны, оказывается, что тѣ, которые его писали для другихъ, т. е. Мюрать и Бертье, будутъ приблизительно первыми заслуживающими наказаніе. Увѣряютъ положительно, и Государь подтверждаетъ, что у послѣдняго отморожены руки и ноги и его везутъ въ сильной лихорадкѣ. Плѣнные увѣряютъ, что онъ не можетъ остаться въ живыхъ; но если онъ не умретъ, то навсегда сохранить воспоминаніе о дерзкомъ предпріятіи своего господина въ Россіи. Говорятъ, будто Ожерд послалъ войска къ Данцигу, чтобы остановить бѣглецовъ и сразиться съ нами близъ этого города и что для этого пущены въ ходъ всѣ средства обороны. Съ другой стороны, повидимому мы не остановимся на Вислѣ, и походъ окончится только на Одерѣ. Въ Парижѣ продолжаютъ говорить о великой арміи, о складахъ и зимнихъ квартирахъ въ Польшѣ. Какъ кажется, Бонапартъ еще разъ ошибся въ своихъ расчетахъ, основывая всѣ свои планы на предположеніи, что мы не перейдемъ нашихъ границъ. Теперь онъ не можетъ пускать пыль въ глаза своимъ тупоумнымъ Парижанамъ, и любопытно, какъ онъ выпутается. Какую бы ложь онъ ни выдумалъ, дѣло слишкомъ очевидно, чтобы можно было скрыть истину, и его могутъ спросить, что же случилось съ великой арміей, съ запасами и зимними квартирами въ Польшѣ, уже занятой побѣжденными и разбитыми Русскими, внезапно появившимися на Вислѣ и Одерѣ. Съ 29-мъ донесеніемъ не кончается кампанія, приходится выпускать 30-ое. Бонапартъ, въ своихъ отвѣтахъ сенату и государственному совѣту не дерзнулъ высказаться за продолженіе войны съ Россією, и эта умѣренность доказываетъ, что онъ еще не знаетъ, что предпринять.

*

Петербургъ, 17 Января 1813.

Третьяго дня получилъ я изъ казначейства пенсію за Майскую и Сентябскую трети прошлаго года и за вторую половину командорст-

венные. Изъ сей суммы послано мною сегодня г. Андерсону тринадцать тысячъ пятьсотъ рублей, кои и будутъ переведены къ вашему сіятельству съ сегодняшнею или слѣдующею почтою. Если вспомните, въ какомъ положеніи было правительство и частные люди въ прошломъ Сентябрѣ, то я оправданъ буду предъ вашимъ сіятельствомъ, почему я тогда за Майскую треть не требовалъ пенсіона; да и всякія частныя выдачи въ казначействѣ на тотъ разъ были остановлены.

Посылаю при семь послѣдній печатный журналъ о военныхъ дѣйствіяхъ. Истребленіе Французской арміи продолжается и по сію пору. По ничтожеству ея, кажется, и называть ее арміею невозможно. Сколько извѣстно, теперь уже не большая Французская армія, а войска, вновь присланная маршаломъ Ожеро, подвергаются таковой участи.

О возвращеніи Государя ничего еще неизвѣстно. Инспекторъ артиллеріи баронъ Меллеръ-Закомельскій и генералъ Барклай-де-Толли призваны въ армію. Слышно, что послѣдній изъ нихъ получитъ начальство надъ арміею, бывшею у Чичагова; сей же, говорятъ, находится нынѣ при Государѣ.

Въ особливомъ пакетѣ посылаю журналъ, послѣдніе манифесты и пр. и пр. Ваше сіятельство хотѣли имѣть полный журналъ военныхъ дѣйствій. Таковой найдете въ Journal du Nord, который за полгода прилагается. Нынѣ оный окончился, а вмѣсто него выходитъ Французская газета *), коей первые номера у сего прилагаются.

Ваше сіятельство желали имѣть портретъ или эстампъ князя Смоленскаго; я имѣю надежду получить копію портрета, писаннаго здѣшнимъ академикомъ Волковымъ, который обѣщаетъ копію на такомъ условіи, чтобы оную выгравировать въ Англіи въ его пользу. Портретъ сей есть самый лучший въ разсужденіи сходства и работы, и художникъ не иначе согласенъ дать копію, какъ на семь условій, считая, что симъ образомъ онъ поправитъ свои обстоятельства; ибо вашему сіятельству извѣстно, сколь вообще бѣдны наши художники. Г. Волковъ хотѣлъ доставить мнѣ записку, которую, по полученіи, къ вашему сіятельству пришлю. Если бы вамъ неугодно было оказать ему благодѣяніе выгравированіемъ сего портрета, то онъ проситъ покорнѣйше копіи съ онаго никому не давать. Въ такомъ случаѣ онъ выгравировуетъ здѣсь, а награжденіе отдастъ на вашу волю, не назначая цѣны за свой трудъ.

---

*) Conservateur Impartial? П. Б.

*

Петербургъ, 22 Января 1813.

Вотъ извлеченіе изъ записки, полученной мною вчера отъ Ея Величества въ отвѣтъ на письмо, которое я ей написалъ наканунѣ. Поговоривъ о дѣлѣ, на которое я ей указывалъ и посовѣтовавъ беречься до полного выздоровленія, она прибавляетъ: „Можетъ быть, вы и получили какія нибудь вѣсти о графѣ Воронцовѣ, но я бы хотѣла, чтобы этого не было и чтобы мнѣ первой сообщить вамъ, что онъ занялъ Бромбергъ въ Пруссіи и этимъ облегчилъ приближеніе къ Торню“.

По вечернимъ вѣстямъ Государь еще въ Иоганисбергѣ и предполагаютъ, что онъ потомъ поѣдетъ въ Торнь.

Слухъ объ увольненіи графа В. подтверждается и что Чичаговъ на его мѣсто будетъ назначенъ. Навѣрно извѣстно, что В. писалъ съ недѣлю тому и просилъ покоя, въ коемъ, кажется, не будетъ ему отказано. Сначала ему сообщали все, что въ арміи дѣлалось и бумаги, какія были написаны; съ нѣкоторыхъ же поръ ему ничего не присылаютъ, ни пишутъ. Одна племянница его Апраксина выходитъ замужъ за одного Новосильцова; онъ просилъ поторопить свадьбу, потому что собирается въ деревню.

*

Петербургъ, 30 Января 1813.

Благодаря Симсону, я поправляюсь и сегодня въ первый разъ имѣлъ счастье видѣть Государыню; она была такъ добра, что сама прочла бумаги, кои обыкновенно я ей читаю, дабы побережь мою грудь, которая еще довольно слаба. Я сообщилъ о письмѣ, которое ваше сіятельство написали мнѣ по поводу 40.000 р., жертвуемыхъ вами на помощь людямъ, разореннымъ войною. Ея Величество, поблагодаривъ ваше сіятельство отъ лица этихъ несчастныхъ, выразила сожалѣніе, что до сихъ поръ была мнѣнія противоположнаго вашимъ взглядамъ и если бы знала ихъ раньше, то можетъ быть поддержала бы ихъ. Въ данное время ничего уже сдѣлать нельзя въ виду того, что записка лорда Каткарта послана недавно къ Его Величеству Государю; окончательное рѣшеніе этого дѣла зависитъ отъ его отвѣта; впрочемъ она думаетъ, что на подписку въ Англіи нельзя смотрѣть какъ на субсидію нашему правительству или Русской націи, а только субсидію нѣкоторымъ лицамъ этой націи, взывающимъ къ общей помощи изъ за крайней нужды, несчастій и страданій, и если бы запретили въ Англіи подписку, это было бы въ нѣкоторомъ родѣ несправедливость, которую

правительство могло бы исправить только потребовавши удовлетворенія: это невозможно при настоящемъ положеніи дѣлъ. Въ данное время въ одной Москвѣ около 70.000, живущихъ въ подвалахъ сожженныхъ домовъ и получающихъ пропитаніе отъ правительства. По этому ваше сіятельство можете судить, что улучшить ихъ положеніе можно только всеобщою подпискою, которая у насъ не можетъ ходко пойти, потому что почти каждый лишень этой возможности или собственнымъ разореніемъ, или налогами и жертвами, принесенными и приносимыми еще на различныя потребности войны, славной и счастливой, благодаря Божественному Провидѣнію. Впрочемъ надо отдать справедливость Англійской націи, предлагающей эту помощь не какъ милость, а какъ вознагражденіе справедливое, хотя и недостаточное, за жертвы, принесенныя нами для общей пользы, и Англія первая пожинаетъ плоды. Однимъ словомъ, этотъ даръ дѣлаетъ честь больше намъ, нежели самимъ Англичанамъ.

Адмираль Грейгъ пріѣхалъ 27-го и передалъ всѣ пакеты, врученныя ему вашимъ сіятельствомъ для меня и графа Михаила. Такъ какъ онъ черезъ 2—3 дня ѣдетъ прямо къ Чичагову, то я ему передамъ все для вашего сына, котораго онъ тамъ встрѣтитъ, и по этой причинѣ сегодня вечеромъ я ничего не отсылаю съ лордомъ Каткартомъ, ѣдущимъ прямо въ Плоцкъ, куда Государь долженъ былъ прибыть 25-го, какъ онъ самъ о томъ писалъ. Ваше сіятельство найдете такія интересныя данныя въ письмахъ графа Михаила, что я ограничусь только сообщеніемъ нѣкоторыхъ свѣжихъ новостей. Положительно извѣстно, что мы заняли Варшаву, очищенную Шварценбергомъ. Его зимнія квартиры, какъ говорятъ, будутъ въ Моравіи. Не знаю, какъ уладилъ онъ дѣло Ренне, а также что станетъ съ Саксонцами и Французами, находящимися подъ его начальствомъ, и которыхъ онъ, какъ кажется, предоставилъ ихъ судьбѣ.

Говорятъ, будто получены удовлетворительныя вѣсти изъ Вѣны, куда былъ посланъ изъ главной свитской квартиры Анштедтъ. Австрійскія войска сдѣлали нѣсколько переходовъ въ сторону Богеміи; въ общемъ, кажется, довольны послѣдними сношеніями съ этой державою. Прусскій король, безъ сомнѣнія, скоро прибудетъ къ нашему Государю, потому что онъ, будучи въ Силезіи, назначилъ въ Берлинѣ регентство на время своего отсутствія. Платовъ осаждаетъ и жметъ Данцигъ со всѣхъ сторонъ. Говорятъ, будто тамъ находятся большой Бертье и Макдональдъ со всеми, спасшимися изъ Кёнигсберга и другихъ мѣстъ. Были переговоры съ городскимъ управленіемъ, но Французы требуютъ,

чтобы имъ дали свободный выходъ; въ этомъ имъ отказано. Они не смогутъ долго держаться.

Продолжаютъ говорить о Чичаговѣ для иностранныхъ дѣлъ. Хотя это и не лучший выборъ, благодаря его придиричивому и сварливому характеру, могущему возбудить много непріятностей въ сношеніяхъ со всѣми дворами, но все же радуются при мысли, что не отъ Р. будетъ зависеть судьба нашей злосчастливой политики.

*

Петербургъ, 31 Генваря 1813.

Сейчасъ я узнаю, что канцлеръ, уколотый отъѣздомъ вчера вечеромъ курьера отъ посла, не хочетъ окладывать на два дня отсылку своего и непременно желаетъ, чтобы онъ ѣхалъ черезъ два часа. Узнавъ о такомъ совершенно необыкновенномъ припадкѣ дѣятельности при моемъ вставаньи, я спѣшу пополнить мое вчерашнее письмо, принужденный до будущей оказіи отложить мое большое письмо № 1, которое я постараюсь докончить и отослать елико возможно скоро.

Ваше сіятельство спрашиваете, правда ли, что Чичаговъ и Витгенштейнъ командуютъ своими арміями самостоятельно, не будучи подъ началомъ князя Смоленскаго. Имѣю честь отвѣтить, что нѣтъ, и фельдмаршалъ командуетъ всѣмъ и всѣми, будучи главнокомандующимъ всѣхъ дѣйствующихъ армій. Это не мѣшаетъ, впрочемъ, чтобы Чичаговъ, полный безграничной самонадѣянности, не послушался его приказовъ въ дѣлѣ при Березинѣ, перейдя на сторону противоположную той, которую рекомендовалъ и предписывалъ главнокомандующій. Государь слишкомъ добръ, чтобы наказать подобный проступокъ, который въ военное время обыкновенно сглаживается храбростью, твердостью и отвагою въ трудномъ предпріятіи и забывается при счастливомъ исходѣ. Ваше сіятельство все же видите, какъ опасно имѣть подъ своею властью человѣка, подобнаго Чичагову, который умствуетъ тамъ, гдѣ мало понимаетъ; онъ это показалъ движеніемъ на Борисовъ, которое предпринялъ по своему усмотрѣнію, не спрашиваясь и не слѣдуя ничьему совѣту; онъ способенъ послушаться тамъ, гдѣ должно дѣйствовать по приказу буквально и со всею поспѣшностью. Теперь, когда Государь самъ при арміи, предоставляя фельдмаршалу, не смотря на свое присутствіе, всѣ почести и свободу дѣйствія, Чичаговъ, думаю, болѣе стоворчивъ. Но бесполезно распространяться о характерѣ адмирала, такъ какъ ваше сіятельство давно должны знать, насколько онъ грубъ и досадливъ. Графъ Михайлъ, желая въ своемъ письмѣ нѣсколько оправдать его въ дѣлѣ Березины, пишетъ, что,

конечно, онъ сдѣлалъ ошибку, но онъ былъ не одинъ ошибавшійся. На это можно возразить, что существуетъ большая разница между совершеніемъ ошибки и желаніемъ не совершить; извѣстно, доказано и подтверждено, что ошибка Чичагова была не только умышенная, но онъ поступилъ противно приказаніямъ начальства и мнѣнію всѣхъ зависѣвшихъ отъ него генераловъ. Что касается Витгенштейна, то это—герой во всѣхъ отношеніяхъ, замѣчательнъ своими достоинствами, заслугами и такой скромностью и мягкостью, что невозможно предположить при взглядѣ на него, что это человѣкъ, покрывшій себя безсмертной славою за все время кампаніи. Чичаговъ настолько забылся, что послѣ дѣла подъ Кѣнигсбергомъ сталъ отдавать ему приказанія и умышленно перенесъ свои дѣйствія по сю сторону, чтобы выставить старшинство. Всѣ генералы Витгенштейна подали на другой день въ отставку, и Витгенштейну не оставалось ничего другого, какъ подать и свою. Тогда увидали, что дѣло зашло далеко и возстановили порядокъ, отдѣливъ его совершенно отъ адмирала.

Слухи, ходившіе по поводу беременности Императрицы, оказались совершенно ложными, къ большому общему огорченію. Сожалѣють, но не отчаяваются, что эта обожаемая Государыня осчастливитъ Россію, давъ ей наслѣдника, достойнаго матери.

Лордъ Каткартъ уѣхалъ вчера къ Его Величеству Государю въ Плоцкъ. Прибытіе лорда Вальполя изъ Вѣны и пребываніе Прусскаго короля въ Силезію, вѣроятно, вызвали эту поѣздку, которая должна имѣть важныя послѣдствія. Говорятъ, что въ общемъ политическія сношенія съ этими дворами приняли хорошій оборотъ, и дѣло Мюнхена, о которомъ я говорилъ въ письмѣ къ Николаи, утверждено.

Я бы сдѣлалъ все возможное, графъ, чтобы видѣть наконецъ вашего сына женатымъ и устроеннымъ. Николаи можетъ засвидѣтельствовать, что таково было наше общее всегдашнее желаніе. Но война и его отсутствіе не допускаютъ того. Ваше сіятельство убѣдитесь въ этомъ, какъ только кончится война и ваши совѣты не преминутъ заставить его рѣшиться на мѣру, необходимую для счастья человѣка, съ такимъ характеромъ, какъ его.

*

Петербургъ, 12-го Февраля 1813 г.

Не предвидя скорой оказіи, я назначаю это письмо къ отправкѣ вашему сіятельству по пути болѣе надежному, нежели скорому. Вотъ

почему помѣщу въ немъ извѣстія, могущія занять ваше сіятельство и не требующія спѣшности; они послужатъ отвѣтомъ на нѣкоторые вопросы, кои я имѣлъ честь получить въ разное время. Не могу не довести до вашего свѣдѣнія въ первую очередь о замѣчательной и забавной сценѣ, происшедшей въ день Рождества при дворѣ между Румянцовымъ и мною. Былъ день почты, и мнѣ надо было отправлять письма Ея Величества, что задержало меня принести поздравленіе Ея Величеству въ кабинетъ, какъ я имѣю обыкновеніе дѣлать до большого выхода. Ея Величество уже прослѣдовала въ церковь, я пошелъ за нею, и первое лицо, кого я встрѣтилъ въ дверяхъ пріемной залы, изъ которой Ея Величество только что вышла, былъ графъ Р. Послѣ обычныхъ поздравленій съ его стороны (ибо моя вѣжливость ограничивается обыкновенно очень низкими поклонами на возможномъ далекомъ разстояніи), онъ сказалъ, что радъ меня видѣть, очень жалѣетъ, что не встрѣчаетъ меня, что хотѣлъ даже письмомъ просить меня зайти къ нему и что я могу оказать ему большую услугу. „Я готовъ“, отвѣчалъ я, „исполнить приказаніе, которое ваше сіятельство найдете нужнымъ мнѣ дать“. — „Есть ли у васъ портретъ графа Михаила Воронцова?“ — „Нѣтъ, къ сожалѣнію я его не имѣю“. — „Такъ вы можете, не правда ли, достать мнѣ? Я знаю, что таковой здѣсь есть“. — „Да есть довольно хорошій у капитана Марина, и онъ его, вѣроятно, мнѣ одолжить; онъ сдѣланъ карандашемъ, но довольно похожъ“. — „Будьте добры оказать мнѣ эту услугу; я вамъ скажу, что желалъ бы его выгравировать: во первыхъ это—имя, которое я уважаю, а во вторыхъ личное поведеніе графа Михаила таково, что привлекло къ себѣ уваженіе общее и мое въ частности“. Подобная низость побудила меня нарочно сказать ему, что есть портретъ у Нарышкина (съ которымъ онъ даже не разговариваетъ) и что онъ лучшій изъ всѣхъ. „Вы хорошо знаете“, сказалъ онъ, „что я не могу просить его у Нарышкина; но если вы его достанете, я вамъ буду очень благодаренъ“. — „Постараюсь“, отвѣчалъ я. Потомъ онъ спрашивалъ о графѣ Михаилѣ и т. д. и т. д. Въ залѣ находилось человѣкъ до ста, и нѣкоторые стояли вблизи отъ насъ. Этотъ разговоръ забавлялъ присутствующихъ, особенно генерала Армфельда, его, можно сказать, заклятого врага, который громко дѣлалъ замѣчанія и поясненія на каждую его фразу.

На этомъ мы разстались. Нѣсколько дней спустя, видя собравшихся въ большемъ количествѣ друзей графа Михаила и моихъ, я предложилъ вопросъ, слѣдуетъ ли давать портретъ или нѣтъ? Въ началѣ всѣ были противъ, но графъ Мусинъ-Пушкинъ (бывшій министръ въ Неаполѣ) рѣшилъ за, говоря, что портретъ надо дать обязательно, и

графу Румянцеву придется уважить волею-неволею это имя, отдавъ выгравировать упомянутый портретъ. Всѣ согласились, и Маринъ одолжилъ мнѣ портретъ, который я отослалъ графу Р. въ день Нового года съ письмомъ, въ которомъ, поздравляя его, я выражаю пожеланія счастья не ему, а Россіи и Европѣ. Вчера онъ прислалъ ко мнѣ статскаго совѣтника своей канцеляріи съ благодарностью за мою обязательность, увѣряя, что я сдѣлалъ ему самый пріятный праздничный подарокъ. Но сегодня, встрѣтивъ меня во дворцѣ, онъ сказалъ, что Нарышкинъ обѣщаль дать ему лучшій, и бѣдняга, казалось, заранѣе предвкушалъ удовольствіе. Нужно обладать большою низостью, чтобы предъявить подобную просьбу Нарышкину, съ которымъ онъ никогда не разговариваетъ, и это за параднымъ обѣдомъ Ея Величества. Вообще, съ нѣкоторыхъ поръ онъ сталъ гравѣромъ. Это онъ, и на свои средства, велѣлъ выгравировать портреты графа Витгенштейна, Платова и даже князя Смоленскаго (послѣ Московской гибели онъ предлагалъ съ Козодавлевымъ въ Совѣтъ Министровъ смѣнить его и послать Палена). Вдругъ его обуяла манія выписывать разнаго рода инструменты и рабочихъ для всевозможныхъ ремеслъ; онъ не пренебрегъ даже соломенными шляпами. Дай Богъ, чтобы онъ преуспѣлъ въ ремеслахъ и чтобы его успѣхи въ этомъ направленіи отвратили его отъ политики—ремесло неблагодарное въ его рукахъ. Вопреки скряжничеству, ему вдругъ понравилось давать обѣды генераламъ, женщинамъ и т. д. Въ первый разъ Кутузова, графиня Витгенштейнъ и г-жа Бенигсенъ отказались; во второй, точно также; но онъ никогда не отчаивается, и въ третій разъ Кутузова и Витгенштейнъ обѣдали, а г-жа Бенигсенъ сдѣлала это уже послѣ вторичнаго приглашенія. Недавно Барклай и Эссенъ также были у него на обѣдѣ. Нѣкоторые слышали, какъ графъ Р. третьяго дня обращался къ первому изъ нихъ съ упреками, говоря, что видитъ какъ становится старъ, потому что даже старинные пріатели покидаютъ его.

Сцена съ Морковымъ *) при дворѣ была, говорятъ, великолѣпна. Этотъ спросилъ его о здоровьѣ. „Оно прекрасно“, отвѣчалъ тотъ, „у меня былъ легкій ударъ; но голова никогда не страдала, и если бы замѣтилъ я, что она хоть немного слабѣетъ, я тотчасъ попросилъ бы отставить меня отъ дѣлъ“. Это похоже, дѣйствительно, какъ бы на извиненіе передъ Морковымъ.

Ваше сіятельство спрашиваете, кѣмъ до сихъ поръ держится канцлеръ? Никто не знаетъ иной дружеской связи, какъ съ Аракче-

---

*) Графомъ Аркадіемъ Ивановичемъ, который, будучи посломъ во Франціи, держалъ себя самостоятельно, а не преклонился передъ Наполеономъ, какъ позднѣе канцлеръ графъ Румянцовъ. П. Б.

евымъ; но этотъ слишкомъ эгоистиченъ и честолюбивъ, чтобы не пожертвовать дружбою, если представится случай. Впрочемъ, до отъезда Государя они были закадычными друзьями по пословицѣ: „рыбакъ рыбака видитъ издалека“ и обѣдали обыкновенно глазъ на глазъ. Не знаю, былъ ли Аракчеевъ, сопровождающій Его Величество въ путешествіи, въ заговорѣ оставить канцлера здѣсь; но онъ испыталъ оскорбленіе остаться помимо своего желанія, и его обманули жестокимъ образомъ. Отъездъ Государя былъ рѣшенъ въ нѣсколько часовъ, тогда какъ его ждали въ теченіи цѣлаго мѣсяца. Графъ Александръ Салтыковъ, оставшійся здѣсь со времени первой своей поѣздки, чтобы вести переговоры съ дипломатическимъ корпусомъ, за два дня до отъезда Его Величества подалъ просьбу объ отставкѣ (предполагаютъ, что эта просьба ему внушена). Его Величество, принявъ ее, сказалъ графу Р., чтобы онъ оставался здѣсь съ дипломатическимъ корпусомъ и что можетъ быть онъ его вызоветъ. Итакъ графъ Р. не видалъ его при отъездѣ, потому что ночью велѣно было все приготовить, и въ 9 часовъ утра послѣдовалъ отъездъ. Этотъ самый министръ поссорился недавно съ графинею Протасовою (которая рассказывала мерзости про Бонапарта), утверждая, что говорятъ и пишутъ слишкомъ свободно и безъ всякой сдержки о государѣ, съ которымъ въ концѣ концовъ придется прійти къ соглашенію. Однимъ словомъ, можно исписать цѣлые томы, если бы того стоило, и не вмѣстить въ нихъ всѣхъ чертъ этого ничтожества.

Я видѣлъ нѣкоего, читавшаго четыре протокола Французскихъ военныхъ совѣтовъ, бывшихъ въ Витебскѣ, Смоленскѣ и два въ Москвѣ. Въ двухъ первыхъ обсуждалось только, нужно ли преслѣдовать нашу армію или, остановась и занявъ позицію на Двинѣ и Днѣпрѣ, закончить кампанію. Всѣ маршалы были послѣдняго мнѣнія, исключая Бонапарта, Мюрата и Бертье. Хвала Богу: этимъ они лишились возможности отнять у насъ Польшу и продиктовать миръ. Въ Москвѣ, на первомъ совѣтѣ, три дня спустя по занятіи ея, обсуждалось, нужно ли выйти изъ города и занять позицію со всѣми своими силами противъ нашей арміи; всѣ стояли за выходъ, кромѣ Бонапарта, увѣреннаго въ мирѣ, и его мнѣніе опиралось, какъ онъ говорилъ, на томъ, что онъ знаетъ нашихъ министровъ. Онъ далъ имъ изумительную и точную характеристику; онъ говорилъ, что надо утвердиться и начать царствовать въ Москвѣ, чтобы заставить насъ возможно скорѣе приступить къ переговорамъ. Было бы очень любопытно узнать, чтѣ онъ говорилъ о Р. Первое свиданіе Кутузова съ Лористономъ (утверждаютъ, что ихъ было два) утвердило его въ его мнѣніи, и это-то и погубило его. Мнѣ

разсказывали, что сцена была смѣхотворна. Главнокомандующій и Лористонъ проливали оба слезы и выражали взаимныя чувства дружбы и желанія скорѣйшаго мира. Бонапартъ справедливо назвалъ Кутузова „старою лисою“, потому что сей послѣдній сыгралъ злую шутку своею якобы довѣрчивостію, слезами и мягкостію. Лористонъ былъ такъ очарованъ, что въ припадкѣ довѣрія и дружбы первый сообщилъ ему о разгромѣ при Саламанкѣ и Мадритѣ, говоря, что не надо придавать вѣры всему, чтò можетъ ему разсказать Англійскій агентъ Вильсонъ, и бѣдствіе вовсе не такъ велико, какъ его представляютъ Англичане. Во второе свиданіе этотъ человѣкъ, такой мягкій, добрый и дружественный, предсталъ страшнымъ, какъ дьяволъ, такъ какъ прошло уже нѣкоторое время съ перваго свиданія, замѣшательство во Французской арміи увеличилось, а наша получила подкрѣпленіе, припасы и средства изгнать непріятеля.

Четвертый совѣтъ состоялся въ день отъѣзда Бонапарта изъ Москвы и пораженія Мюрата. Бертье предложилъ бросить всю артиллерію и обозъ, дабы наиболѣе облегчить армію, доказывая, что этимъ выиграются шесть переходовъ. Бонапартъ одинъ заявилъ, что онъ не согласенъ и не желаетъ оставлять намъ никакого триумфа.

Если разсказъ о двухъ свиданіяхъ вѣренъ, Кутузовъ оправдалъ мнѣніе о немъ Суворова, что отъ него порохомъ пахнетъ, что онъ же и Рибаса проведетъ, ибо онъ провелъ даже самого Бонапарта съ его кликою мошенниковъ и плутовъ.

Эти четыре протокола, о которыхъ я говорю, достались намъ вмѣстѣ съ военной канцеляріей Бонапарта, и эта добыча важна, какъ для нашего собственнаго наставленія, такъ и для истребленія его арміи.

Государь хорошо дѣлаетъ, не держа при себѣ ни одного министра, потому что у насъ Кутузовъ, который, думаю, даже болѣе министръ, нежели полководецъ, чтò онъ доказалъ во многихъ случаяхъ. Барклай вернулся къ арміи, но Бенигсенъ, пробывъ въ Витебскѣ и Порховѣ больше мѣсяца, пріѣхалъ въ Вильну, такъ какъ главнокомандующій объявилъ, увѣряютъ, что не останется и двухъ часовъ при арміи, если въ нее пріѣдетъ этотъ интриганъ, глупецъ и негодяй, въ виду того, что именно онъ поссорилъ его съ Барклаемъ и приблизительно со всѣми генералами. Было время чтò говорили, будто Бенигсенъ совѣтовалъ Государю назначить Кутузова вмѣсто себя командующимъ. Дало поводъ къ этому слуху то, что оба эти генерала были связаны узами тѣсной

дружбы въ Вильнѣ, что Кутузовъ просилъ Бенигсена себѣ въ помощники и, получивъ, оказалъ ему вниманіе и самъ пошелъ объявить это его женѣ, бывшей въ то время здѣсь. Теперь выяснено, что слухъ былъ ложенъ, но что его распустили друзья Бенигсена, желавшіе приписать ему эту заслугу, но послѣ Москвы сами его опровергали. Также извѣстно, что Бенигсенъ неблагодаренъ и интриганъ или, вѣрнѣе, тяжелъ и глупъ. Принцы Ольденбургскій и Виртембергскій стояли за него, также и графъ Растопчинъ, заклятый врагъ Кутузова. Ваше сіятельство изъ сего увидите всѣ пружины и нити коварствъ, кои, хвала Богу, съ отсылкою Бенигсена прекратились. Главнокомандующій теперь въ арміи все, и самъ Государь, далекій отъ мысли стѣснять его, дѣлаетъ, какъ онъ хочетъ и предоставляетъ ему всѣ почести, полную свободу дѣйствій и всю власть. При такомъ положеніи дѣла идутъ хорошо. Такъ и слѣдуетъ поступать. Вильсонъ также примкнулъ къ Бенигсену; онъ имѣлъ даже глупость и нескромность присылать сюда курьеровъ съ депешами къ Государю. Какъ мало придавали имъ значенія, видно изъ того, что поставили во всеобщую извѣстность его глупыя депеши, о которыхъ говоритъ весь городъ, справедливо удивляясь, какъ осмѣливается иностранецъ, вчера испеченный генераль, судить о дѣлахъ и обращаться съ совѣтами и донесеніями къ Государю. Онъ долженъ чувствовать себя теперь очень скверно, видя, что его глупыя предсказанія не сбылись. Лордъ Каткартъ удивлялся вмѣстѣ со мною, какъ у главнокомандующаго доставало терпѣнія не отослать его, чтò онъ долженъ былъ сдѣлать тотчасъ же для примѣра другимъ. Я думаю, на подобныя поступки натолкнули его Бенигсенъ и эти принцы, съ которыми онъ восторженно считалъ себя за панибрата, воображая, что эта связь окажетъ ему честь, тогда какъ наши его презирали и избѣгали.

Говорятъ, будто Аракчеевъ при арміи не тотъ, чтò здѣсь: онъ настолько же ласковъ и мягокъ съ главнокомандующимъ, насколько здѣсь былъ горделивъ и золъ и, благодаря Богу, ему не даютъ ни во что вмѣшиваться безъ вѣдома князя. Этотъ человекъ ненавистникъ, желченъ, мстителенъ, жестокъ, эгоистъ, прирожденный шпіонъ, никогда не дѣлавшій добра, но только какъ можно больше зла, и его власть простиралась далеко. Здѣсь князь Горчаковъ ничего не значилъ, все шло черезъ него; онъ былъ воплощеніемъ военной полиціи и не допускалъ никого къ Государю. Главный интендантъ продовольствія Лаба, прибывъ въ армію, явился къ князю Горчакову; тотъ сказалъ, что онъ долженъ представиться Государю завтра въ такой-то часъ. Послѣ долгаго совѣщанія съ Его Величествомъ о состояніи магазиновъ и средствахъ пе-

ревозки (вопросъ болѣе важный, нежели все остальное въ подобной войнѣ), онъ получилъ приказъ передать Аракчееву записку по этому поводу. Этотъ сначала не хотѣлъ ее принять, говоря, что онъ удивляется, какъ Горчаковъ позволяетъ своимъ подначальнымъ беспокоить Его Величество: доказательство, что по его мнѣнію никто не долженъ съ пустяками приближаться къ Государю. Здѣсь онъ привѣтствуетъ такого-то и сообщаетъ ему такое-то и такое-то приказаніе Его Величества. Если получившій приказъ просить объясненія, онъ съ отвратительнымъ притворствомъ отвѣчаетъ, что ничего ему неизвѣстно, но надо исполнять волю Его Величества, не дерзая даже объясняться съ нимъ; самъ же дѣлаетъ видъ, будто ничего не знаетъ. Въ данное время не знаю, есть ли у него какое дѣло при арміи; но онъ покоенъ, и о немъ по крайней мѣрѣ ничего не слышно. Онъ много сдѣлалъ для нашей артиллеріи, гдѣ выказалъ большія познанія и даже усовершенствовалъ эту часть; но въ арміи мало людей, коимъ онъ не сдѣлалъ бы зла и особенно людямъ приличнымъ. Самъ Гатчинецъ, онъ вообще покровительствуетъ только этой сволочи.

Вижу съ великимъ изумленіемъ, что такъ громко воспѣваютъ въ Англіи великія дѣянія графа Ростопчина¹⁾. Дѣйствительно, въ началѣ вѣсъ очень ошибались на счетъ того, что онъ печаталъ въ Москвѣ, и его прокламаціи, казалось, электризовали населеніе злосчастной столицы. Однако оказалось, что то, что онъ называлъ *ключъ кличку* было пустымъ звукомъ и вмѣсто 60.000 человекъ этого *ключа* было всего 3 и самое большое 4 тысячи арестантовъ, захотѣвшихъ защищать Кремль и которые потомъ способствовали Французамъ въ разграбленіи и пожарѣ города. Единственное подкрѣпленіе, которое онъ послалъ съ графомъ Морковымъ, была часть Московской милиціи, каковую доставляли и другія губерніи. Послѣ всего этого бахвальства его *ключъ* далъ тягу, и самъ онъ уѣхалъ изъ первыхъ. Онъ даже не уничтожилъ запасовъ, такъ какъ Французы нашли болѣе 10.000 ружей, и Кремль они взорвали порохомъ, найденнымъ въ Москвѣ. Онъ постоянно ссорился съ главнокомандующимъ, напомнилъ ему даже, что тотъ варилъ шеколадъ у князя Зубова и не можетъ про себя сказать, что достоинъ командовать арміей. Ваше сіятельство помните прокламаціи, гдѣ онъ говоритъ: у меня одинъ глазъ былъ боленъ и слѣпъ, а теперъ я въ оба гляжу. Это онъ ясно намекнулъ на князя²⁾. Онъ былъ особенно разсерженъ тѣмъ, что его не допустили ни на одинъ изъ военныхъ совѣтовъ,

¹⁾ Въ Лондонѣ даже одна улица названа Ростопчинскою. П. Б.

²⁾ Кутузовъ на одинъ глазъ былъ кривъ. П. Б.

собиравшихся до оставленія Москвы. По мнѣнію военныхъ, его и нельзя было допустить изъ боязни поставить въ неловкое положеніе его самого и безопасность арміи: его дѣйствія были такъ не соответственны, что Богъ знаетъ, какъ бы пришлось поступать, имѣя за спиною врага среди населенія, а передъ лицомъ непріятельскую армію. Словомъ, соображенія противъ его допущенія были важнѣе чѣмъ желаніе удовлетворить его тщеславію и честолюбію. И вотъ борьба на смерть между нимъ и княземъ Кутузовымъ. Онъ до сихъ поръ продолжаетъ писать прокламаціи, вызывающія смѣхъ своимъ слогомъ и подъ часъ страннымъ содержаніемъ. Онъ могъ бы предоставить эту обязанность писакамъ, ибо это вовсе недостойно званія военнаго губернатора, тѣмъ болѣе, что теперь въ этомъ нѣтъ никакой надобности. Онъ, напримѣръ, увѣряетъ, что заразная гнилая горячка существуетъ только въ воображеніи, тогда какъ вся Россія и Москва въ особенности показываютъ противное, какъ это засвидѣтельствовано смертью нѣсколькихъ людей выдающихся, чего нельзя не знать. Ваше сіятельство думаете, что я нахожусь подъ вліяніемъ двора и друзей касательно языка и образа дѣйствій графа Ростопчина. По чести, я не знаю, какое мнѣніе на этотъ счетъ при дворѣ, но мнѣніе общества и публики въ общемъ теперь таково, что всѣ окончательно извѣрились въ него настолько же, насколько раньше вѣрили въ его бахвальство. Надо предположить, что Москву мы сожгли наравнѣ съ Французами; по крайней мѣрѣ объ этомъ говорятъ, потому что онъ вывезъ изъ города всѣ пожарныя трубы, чтобы не тушить огня. Словомъ, городъ сгорѣлъ, и дѣлать нечего. Въ дѣйствіяхъ графа Ростопчина я считаю достопамятнымъ только сожженіе Воронова, поступокъ дѣйствительно великій и величественный. Въ остальномъ пусть его превозносятъ, ничто меня не переубѣдитъ, и чѣмъ болѣе я вѣрилъ его словамъ въ началѣ, тѣмъ болѣе убѣдился, что онъ плохой писака прокламацій, съ самыми обыкновенными способностями какъ военный губернаторъ. Самымъ вѣскимъ доказательствомъ служитъ мнѣ то, что у него нѣтъ ни одного друга въ Москвѣ, и тамъ его каждый день клянутъ всѣ. Даже народъ ненавидитъ его теперь въ такой же степени, какъ былъ раньше имъ возбужденъ. Я получилъ сотни писемъ изъ Москвы и видѣлъ много людей, пріѣхавшихъ оттуда: о Ростопчинѣ существуетъ только одно мнѣніе.

Что касается измѣны Платова, такъ гнусно приведенной въ извѣстность въ Лондонѣ, то онъ ясно доказалъ противное своими поступками неопровержимыми и славными какъ для него, такъ и для его казаковъ. Ошибка, совершенная имъ послѣ Бородина, когда онъ не удер-

жалъ съ аррьергардомъ позиціи, чтобы дать время укрѣпиться подѣ Можайскомъ, гдѣ бой долженъ былъ возобновиться, была велика и даже явилась причиною потери Москвы; но ее равно можно приписать и Бенигсену, ибо сей послѣдній очень медлилъ сдѣлать должныя распоряженія. Платовъ искупилъ свою вину, и отечество вѣчно обязано этому знаменитому человѣку, заставлявшему Наполеона столько разъ дрожать за свою жизнь. Памятникъ, который воздвигнуть въ Москвѣ изъ непріятельскихъ орудій, будетъ со славою носить имя Платова среди именъ главныхъ героевъ этой войны.

Сдѣлано нѣсколько проектовъ для этого памятника, но ни одинъ не утвержденъ. Рескриптъ Его Величества къ графу Ростопчину даетъ нужныя указанія, чтобы имъ заняться немедленно. Этотъ памятникъ будетъ прекраснѣйшимъ во всемъ мірѣ и передастъ потомству нашу славу и гнусность подлаго Корсиканца, спасшагося бѣгствомъ и пожертвовавшаго 300.000 людей для спасенія своей особы. Кажется, онъ надѣется царствовать только подѣ именемъ жены и сына, ибо хочетъ короновать сего послѣдняго и въ тоже время говорить о регентахъ. Я вижу въ этомъ только приумноженіе подлости, на которую только онъ способенъ.

Ваше сіятельство спрашиваетъ, почему графа Сень-При не произвели въ генераль-адъютанты? Онъ стоитъ впереди всѣхъ, коихъ повысили за Бородино. Графъ Сень-При прекрасный человѣкъ, другъ графа Михаила, и я его люблю всѣмъ сердцемъ, но онъ хитрѣе всѣхъ насъ. Если бы князь Багратионъ оставилъ завѣщаніе, онъ его представилъ бы въ генераль-лейтенанты, ибо онъ получилъ повышение въ день, когда пришло извѣстіе о смерти князя; кромѣ него никто изъ приближенныхъ князя не получилъ награды.

Это письмо начато болѣе мѣсяца тому назадъ; отсутствіе оказіи и моя болѣзнь—причины, что я его кончаю только сегодня, 12 Февраля 1813 г.

*

Петербургъ, 13 Февраля 1813.

Не получая извѣстій отъ графа Михаила, я радъ сообщить вашему сіятельству, что узналъ отъ Ея Величества. Она соблаговолила спросить о немъ генераль-адъютанта Васильчикова. присланнаго сюда съ ключами Варшавы. Онъ не видалъ его съ Вильны, но сообщилъ Ея Величеству, что его послали на Берлинъ съ значительнымъ отрядомъ и, вѣроятно, мы получимъ отъ него первыя извѣстія изъ этой столицы.

Могу также вполне увѣрить ваше сіятельство, что онъ совсѣмъ не чувствуетъ своей раны. Съ послѣдними письмами графа Михаила я получилъ письмо отъ его адъютанта Нарышкина¹⁾, сына покойной Анны Ивановны, гдѣ онъ говоритъ положительно и съ великою радостью, что онъ даже не вѣрилъ, что графъ былъ раненъ: такъ хорошо зажила его рана. Жалѣю, что не имѣю этого письма для отсылки къ вамъ, графъ, такъ какъ онъ говоритъ въ немъ о дѣлѣ своей сестры, графини Бальменъ; но, не имѣя силъ написать ей своевременно, я ограничился отсылкою этого письма, какъ отвѣта на то, что она мнѣ писала.

Послѣднія извѣстія изъ арміи гласятъ, что Его Величество покинулъ Плоцкъ и передвинулся дальше; а какъ Прусскій король въ Бреславлѣ, то возможно, что они встрѣтятся въ Петроковѣ (Petrikau). Болѣе чѣмъ когда либо есть надежда, что Австрія соединится съ нами. Отсюда уже установили что-то въ родѣ прямого сообщенія съ Вѣною, потому что на почтѣ принимаютъ письма съ наложеніемъ на нихъ заказа въ Радзивиловѣ, что служитъ хорошимъ признакомъ. Если правда, какъ увѣряютъ наши газеты, что графъ Стадіонъ назначенъ генераль-коммисаромъ въ армію съ неограниченными полномочіями, то не останется сомнѣнія въ настоящихъ намѣреніяхъ Австріи, и она приметъ правую сторону, не заботясь о Маріи-Луизѣ и ея незаконномъ сынѣ²⁾.

Графъ Строгоновъ здѣсь уже двѣ недѣли. Смерть его зятя, князя Бориса Голицына, заставила его покинуть армію, чтобы внести нѣкоторое утѣшеніе въ семью. Онъ отправляется черезъ двѣ недѣли.

*

Петербургъ, 15 Февраля 1813.

Ея Величество соблаговолила сообщить мнѣ, что Государь упоминаетъ о славномъ и счастливомъ дѣлѣ, которое графъ Михаилъ имѣлъ въ окрестностяхъ Познани, но въ его письмѣ нѣтъ никакихъ подробностей. Курьеръ, прибывшій вчера, привезъ нѣсколько увѣдомленій объ экспедиціи графа Михаила. Кажется, онъ съ своимъ отрядомъ нагналъ непріятели въ количествѣ 4.000 человекъ, удалявшагося изъ Торна, разбилъ его окончательно и занялъ Познань, гдѣ нашелъ множество пищевыхъ складовъ и всякаго рода боевыхъ припасовъ.

¹⁾ Дмитрія Васильевича, который позднѣе женился на дочери графа Ростопчина, Натальѣ Федоровнѣ. П. Б.

²⁾ Не понимаемъ, почему Лонгиновъ не признавалъ законности Наполеонова брака. Развѣ потому, что Наполеонъ не разводился съ Жозефиною. П. Б.

*

Петербургъ, 26 Февраля 1813.

Ваше сіятельство спрашиваете, почему Полтавская и Черниговская губерніи совсѣмъ не даютъ рекрутовъ. Жалѣю, что забылъ сообщить вамъ, что обѣ эти губерніи поставили, въ труднѣйшія времена, милицію и затѣмъ всеобщее вооруженіе на подобіе Малороссійскихъ казаковъ до 50.000 человекъ; князь Яковъ Лобановъ¹⁾ увѣрилъ ихъ, что за это имъ вернуть прежнія льготы. Первая милиція прибыла въ армию, нѣсколько дней спустя по оставленіи Москвы, на Красную Пахру, а всеобщее вооруженіе въ Могилевъ при переходѣ нашей армии черезъ Днѣпръ. Ваше сіятельство, можетъ, помните рапортъ князя Кутузова, гдѣ онъ съ удивленіемъ говоритъ, что нашелъ подкрѣпленіе въ 70.000 человекъ подъ начальствомъ Гудовича въ Могилевѣ: это и была большая часть воиновъ изъ Малороссіи. Однако до сихъ поръ ихъ старинныя льготы не возобновлены.

*

Петербургъ, 11 Марта 1813.

Его Величество Государь сообщаетъ, что Австріакъ Лебцельтернъ²⁾ находится при главной квартирѣ, начиненный всѣми увертками своего двора. Однако не отчаяваются приблизиться къ желаемому разрѣшенію. Лордъ Вальполь, который долженъ былъ ѣхать черезъ Кобленцъ въ Лондонъ, можетъ дать болѣе точныя свѣдѣнія объ этомъ.

Пока предоставляютъ свободу дѣйствій главнокомандующему, дѣла, какъ военныя, такъ и политическія, пойдутъ удачно; а канцлеръ, если его не выгонять, можетъ считать себя счастливымъ сохранять свое мѣсто въ презрѣннѣи общества и во всеобщемъ отвращеніи всѣхъ иностранныхъ державъ. На слѣдующій день по полученіи извѣстія о трактатѣ, заключенномъ съ Пруссією и—извѣстія, сообщеннаго Государемъ Ихъ Величествамъ Императрицамъ, и нѣсколькими частными письмами (такъ какъ событіе не являлось уже тайною и весь городъ зналъ о немъ), канцлеръ за столомъ у Императрицы опровергалъ его, увѣряя, какъ говорилъ онъ, что Пруссія не способна принять подобное рѣшеніе. Надъ его невѣдѣніемъ посмѣялись и оставили его въ немъ, и онъ въ немъ пребываетъ до сихъ поръ, потому что, какъ извѣстно, онъ отвѣчаетъ всему дипломатическому корпусу, что не получалъ по этому поводу никакого сообщенія.

1) Малороссійскимъ генераломъ-губернаторомъ. П. Б.

2) Еврей по происхожденію, позднѣ женившійся на богачкѣ нашей, графинѣ Лаваль, и сдѣлавшійся Австрійскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ. П. Б.

Учреждена комиссія по управленію Варшавскимъ герцогствомъ подъ предсѣдательствомъ Ланского (Василія Сергѣевича). Для управленія испрашиваются 130 гражданскихъ чиновниковъ всѣхъ степеней, и занимаются выборомъ ихъ съ величайшимъ затрудненіемъ. Недавно рескриптомъ фельдмаршалу князю Салтыкову Государь приказалъ уволить изъ всѣхъ департаментовъ сверхштатныхъ, имѣя въ виду замѣстить ими порожнія мѣста въ полкахъ; а какъ въ спискахъ, представленныхъ министрами, было мало лицъ, уволенныхъ по этому приказу, то въ данное время затребованы именныя списки всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ безъ различія, дабы увидать, нѣтъ ли какого обмана или злоупотребленія. Изъ за этого почти не находятъ людей для управленія герцогствомъ.

Ваше сіятельство пишете по поводу Вильсона, что у насъ легко пристращаются къ иностранцамъ и портятъ ихъ. Это правда и именно относительно Вильсона, который изъ за позволенія Государя, даннаго изъ простой вѣжливости, писать Его Величеству, позволилъ себѣ посылать ему курьеровъ и депеши, полныя ругательствъ на главнокомандующаго. Это продолжалось до дѣла подѣ Краснымъ, и я не понимаю, какъ главнокомандующій не отослалъ его, подобно какъ Бенигсена, въ руку котораго Вильсонъ дѣйствовалъ. Малое значеніе, которое придавали его писаніямъ, доказывается широкою гласностью, приданной имъ, и это должно было отвратить Вильсона отъ его ремесла, особенно послѣ того, какъ всѣ его безумныя предсказанія были опровергнуты самыми счастливыми послѣдствіями, каковыхъ голова Вильсона не способна была предусмотрѣть. Ему отдають справедливость въ его рвеніи и устояхъ; но онъ сталъ немного уподоблять себя Веллингтону, хотя и сей послѣдній не достаточный авторитетъ для вояки, убѣленнаго сѣдинами подѣ звуки выстрѣловъ, какъ Кутузовъ. Всюду много подобныхъ добровольныхъ Англійскихъ дипломатовъ. Покойный Бентингъ былъ таковымъ и трубилъ повсюду, что надо призвать Бернадота командовать соединенными силами противъ Бонапарта и что онъ единственный герой вѣка. Здѣсь теперѣ нѣкій Вайбурнъ, котораго я никогда не могъ разобрать, но который, кажется, горячій другъ Вильсона. Я не знаю, какъ и почему онъ здѣсь. Всѣ эти господа—причина, почему Новосильцовъ не былъ посланъ посланникомъ въ Лондонъ, ибо они всѣ съ шумомъ и гамомъ требовали его, и я предвидѣлъ, что это послужитъ причиною не посылать его въ Лондонъ, какъ и случилось. Они хватились за умъ, но слишкомъ поздно. Бентингъ, еще въ первый пріѣздъ свой въ армію, намѣчалъ на этотъ постъ Бяратинскаго. Онъ даже просилъ о немъ Государя, какъ самъ говорилъ

мнѣ, и Государь будто соглашался. Лордъ Каткартъ, прїѣхавъ сюда, поставилъ этихъ господъ на ихъ мѣста; не думаю, чтобы Вильсонъ былъ восхищенъ увидѣть его при арміи; онъ заслуживаетъ хорошаго урока.

Генераль Бенигсенъ, сконфуженный и выпровоженный, какъ кажется, недавно еще получилъ 15.000 р. пенсіи за убытки, какъ говорятъ, въ Ганноверѣ, причиненные конфискаціей его владѣній, приносящихъ не болѣе 1500 р. доходу. Онъ въ Минскѣ, въ своемъ помѣстьѣ, а жена остается здѣсь, чтобъ каверзничать съ Польской кликою. Покойный князь NN. также имѣлъ дѣло съ каверзниками въ арміи, и я удивляюсь, что его отзывы могли произвести какое нибудь впечатлѣніе, ибо онъ былъ болѣе чѣмъ ограниченъ; а что касается его брата, такъ тотъ вѣтрогонъ, ничтоженъ и глупъ.

Я имѣлъ честь говорить вамъ о казакахъ Полтавы и Чернигова. Князь Лобановъ, генераль-губернаторъ, въ минуту опасности и когда почти не существовало сообщенія съ его губерніями, прибѣгъ къ этой мѣрѣ, обязавшись возстановить этимъ губерніямъ прежнія ихъ льготы, которыя въ сущности очень не велики. Нѣкоторые министры, по минованіи опасности, возстали, говоря, что государство теряетъ этимъ болѣе 3 милліоновъ доходу. Если сравнить эту сумму и число великолѣпныхъ войскъ, коихъ эти губерніи могутъ поставлять постоянно, то потеря дохода будетъ незначительная. Чтò значить для государства и Малороссіи, будутъ ли они одѣты казаками или уланами, гусарами и т. д.? Они останутся прекрасными всадниками, которыхъ можно даже собрать въ полки и образовать правильную кавалерію.

Князь Лобановъ, видя, что его обѣщаніе не утверждаютъ, написалъ Его Величеству, что если не признаютъ того, чтò онъ обѣщаль отъ своего имени, пусть объявятъ его сумасшедшимъ. Не знаю, къ какому рѣшенію придутъ; но, кажется по этому поводу не сказано ни да, ни нѣтъ.

Имѣнье Круглое*) не дастъ, думается мнѣ, въ нынѣшнемъ году дохода, но по всему, чтò я узнаю изъ присылаемыхъ мнѣ донесеній,

---

*) Могилевской губерніи. Оно было завѣщано графу Михаилу Семеновичу Воронцову его теткою княгиней Дашковой, которая желала, чтобъ онъ принялъ все состояніе ея съ именемъ князя Дашкова-Воронцова. Этому не позволилъ графъ Семенъ Романовичъ, такъ какъ ей въ сущности не принадлежали имѣнія Дашковскія. Вдова ея двоюроднаго брата, графа Ларіона Ивановича, была сговорчивѣе, и сынъ ея (въ то время подростокъ) получилъ съ имѣніями имя графа Воронцова-Дашкова. П. Б.

видно, что по крайней мѣрѣ ничего не сожжено и будетъ чѣмъ прокормить людей, принадлежащихъ къ этой землѣ и 22 человекъ музыкантовъ Нарвскаго полка, коихъ графъ Михаилъ прислалъ съ Французскимъ капельмейстеромъ для обученія и съ хирургомъ, тоже плѣннымъ. Между музыкантами есть Французы, долженствующие обучить Русскихъ полковыхъ музыкантовъ. Библіотека покойной княгини Дашковой сожжена въ Слободѣ*), куда была перевезена; я думаю, что въ ней были хорошія книги, но предполагаю, что это должны были быть дубликаты Андреевской библіотеки. Во всякомъ случаѣ, потеря чувствительная. Что касается библіотеки Бутурлина, то это очень горько: она была единственное утѣшеніе графа, причина его разоренія, и безпрекословно одна изъ первыхъ библіотекъ въ Европѣ.

*

Петербургъ, 22 Марта 1813.

Графъ де-ла-Ферронэ прибылъ на этихъ дняхъ и передалъ мнѣ вчера письма и пакеты, коими былъ снабженъ отъ вашего сіятельства. По поводу того, что вы пишете графу Михаилу относительно Австріи и опасности для насъ двигаться въ ея глубь, если она не объявитъ себя нашей сторонницею или не останется, по меньшей мѣрѣ, бездѣйственной, я могу отвѣтить вашему сіятельству, что по всему, что я знаю, Австрія не въ состояніи напасть на насъ и что, во всякомъ случаѣ, у насъ довольно силъ въ Подолии и Волыни, чтобы не бояться опасности съ этой стороны, не говоря о Туркахъ, кои могутъ намъ помочь. Въ Волыни въ данное время нѣсколько регулярныхъ войскъ, вся Украинская милиція и таковая же, собранная въ Нижнемъ-Новгородѣ въ количествѣ 70.000 человекъ графомъ Толстымъ, составленная изъ прекрасныхъ частей, такъ что изъ нея можно было бы образовать гвардейскіе полки, какъ я слышалъ отъ всѣхъ, пріѣзжающихъ изъ этого города. Кромѣ того есть резервныя войска, образованныя княземъ Лобановымъ и генераломъ Клейнмихелемъ, и кавалерія—Кологривовымъ, которыя частію уже двинулись въ эту губернію, а частію уже тамъ. Все вмѣстѣ, какъ меня увѣряютъ, составляетъ около 200.000 человекъ, сытыхъ, одѣтыхъ, свѣжихъ и воодушевленныхъ столькими блестящими побѣдами ихъ собратій по оружію. Австрія ничего не можетъ намъ сдѣлать, принимая во вниманіе плачевное состояніе ея финансовъ и особенно, что вся эта великая конфедерація

---

*) Т. е. въ Нѣмецкой Слободѣ, гдѣ находился домъ графа С. Р. Воронцова. Другой домъ его, на Знаменкѣ, нынѣ Бутурлина, уцѣлѣлъ, будучи занятъ кѣмъ-то изъ Французскихъ генераловъ. П. Б.

не существуетъ болѣе съ отпаденіемъ Пруссіи и при настроеніи, явно выраженномъ во всей Германіи, не исключая и Австрійцевъ. Мнѣ думается, графъ, что можно быть покойнымъ, не полагаясь, впрочемъ очень на случай.

*

Петербургъ, 9 Апрѣля 1813.

Ея Величество довѣрила мнѣ нѣсколько дней тому назадъ приложенное при семъ письмо г-жи Боттль, дабы переслать его съ первой оказіею. Оно отъ маркграфини Баденской *). Я не съумѣю лучше исполнить порученіе Ея Императорскаго Величества, какъ умоляя ваше сіятельство благоволить взять на себя заботу о доставленіи письма. Надѣюсь, что больше не понадобится заставлять путешествовать письма, какъ до сихъ поръ; какое великое пространство должно было пройти это, чтобы прибыть сюда черезъ Копенгагенъ и Стокгольмъ и снова отправиться въ Лондонъ! Нравственно невозможно, чтобы Европа во второй разъ оказалась въ подобномъ ужасномъ положеніи.

*

Петербургъ, 26 Апрѣля 1813.

Ея Величество Императрица нездорова нѣсколько дней; ее мучаетъ коклюшъ въ такой степени, что жаль смотрѣть. Она схватила его при посѣщеніи дѣтей принцессы Виртембергской, гдѣ болѣетъ вся семья. Стараются не давать ей говорить, потому что, когда она начинаетъ, то не въ силахъ окончить словъ: кашляетъ до слезъ. Когда я подалъ ей письмо вашего сіятельства, она сказала, что прочтетъ его послѣ. Вчера я видѣлъ ее мелькомъ, но избѣгалъ вовлекать въ разговоръ, а сегодня совсѣмъ не пошелъ, такъ какъ она меня не спрашивала, и у меня не было ничего особеннаго для сообщенія. Я не премину уведомить ваше сіятельство, если она скажетъ мнѣ что нибудь по поводу вашего письма. Предполагаю, что это и здоровье побудитъ Ея Величество раньше переѣхать въ Царское Село; она рѣшила поселиться на лѣто въ этомъ восхитительномъ и пріятномъ мѣстѣ: ибо кажется, Государь, вернувшись сюда, не станетъ жить въ томъ домишкѣ на Каменномъ острову. Я буду имѣть счастье сопровождать Ея Величество въ Царское Село по приглашенію, которое она соблаговолила мнѣ сдѣлать въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ. Невозможно описать мое счастье быть вблизи этой великой особы, и разумѣется, если бы я съумѣлъ сохранить свое здоровье, я былъ бы теперь счастливѣйшимъ изъ смертныхъ; я таковой и есмь, не взирая на огорченія, кои мнѣ причиняютъ

*) Маркграфиня Баденская — мать императрицы Елисаветы Алексѣевны. П. Б.

мои частыя недомоганья. Весна принесла съ собою ужасныя болѣзни, изъ нихъ гнилостныя и нервныя горячки самыя распространенныя, и отъ нихъ выживають немногіе. Третьяго дня скончался одинъ изъ достойнѣйшихъ духовныхъ лицъ, Питтъ; нельзя достаточно оплакать этого человѣка, милостиваго, полнаго честности и знаній, чтеца на Англійскомъ языкѣ Императрицѣ и ея сестрѣ принцессѣ Амаліи, кои объ живомъ о немъ сожальють. Графъ Строгановъ, благодаря Бога, спасень; онъ былъ очень близокъ къ смерти.

Посылаю вашему сіятельству послѣдніе стихи покойнаго Марина. Вы найдете изображенія поразительныя, вѣрныя и удивительно язвительныя. Графъ и графиня Ливень и вашъ племянникъ могутъ подтвердить вамъ вѣрность портретовъ. Какая утрата для словесности и общества, а также для друзей въ лицѣ этого несчастнаго Марина, честнаго человѣка и настоящаго друга своихъ друзей. Графъ Михаилъ любилъ его сердечно, а я былъ связанъ съ нимъ тѣсными узами съ самаго моего возвращенія въ Россію. Его только что произвели въ генераль-маіоры и пожаловали ему Владимира 3-й степени; но онъ даже не получилъ удовлетворенія узнать о счастливомъ поворотѣ своей судьбы послѣ казавшагося забвенія, которое огорчало его, и послѣ всѣхъ трудовъ, понесенныхъ имъ въ должности свитскаго генерала при арміи князя Багратіона въ теченіи всей кампаніи. Умоляю ваше сіятельство не давать списковъ съ этого произведенія, ибо оно могло бы повредить его памяти. Только подъ этимъ условіемъ получилъ и я этотъ списокъ отъ одного его друга, единственнаго обладателя стиховъ, потому что Маринъ не хотѣлъ давать ему списка, и этотъ другъ зналъ отъ него самого, что тотъ хотѣлъ сообщить письменно стихи только графу Михаилу и мнѣ. Онъ охотно читалъ ихъ наизусть, когда хотѣлъ забавить друзей.

Въ одномъ изъ вашихъ писемъ, графъ, вы находите, что поведеніе различныхъ политическихъ партій въ Польшѣ заслуживаетъ строгаго наказанія и именно союзъ студентовъ въ Вильнѣ. Безъ сомнѣнія, эти бездѣльники заслуживають, чтобы ихъ поголовно сдали въ солдаты; но врожденная доброта главнокомандующаго и сдержанность Государя безпримѣрны: всѣ были прощены, все забыто. Это велико, это прекрасно; но я бы никогда такъ не поступилъ, если бы долженъ былъ дать свое мнѣніе. Иногда нужны примѣры строгости; но у насъ грѣшатъ безнаказанно, и зло отъ этого неизчислимо. Самъ Бонапартъ бывалъ часто возмущенъ подлостью нѣкоторыхъ Поляковъ. На одномъ балу въ Вильнѣ фрейлина Тизенгаузенъ, получившая передъ войною

шифръ, появилась въ немъ. Бонапартъ спросилъ, что онъ означаетъ, и на ея отвѣтъ, что это знакъ отличія и доброты властителя Россіи, похвалилъ ее, прибавя, что никогда не надо забывать благодарній, полученныхъ отъ властителей. Обратясь затѣмъ къ княгинѣ Гедройцъ, онъ спросилъ, почему она безъ шифра, тогда какъ получила его одновременно съ своей сосѣдкою. Та отвѣчала, что получила помимо своей воли это отличіе, надъ которымъ смѣется. Бонапартъ, живо отвернувшись, громко сказалъ: вотъ дура! Ректоръ университета, архи-плутъ Снядецкій, былъ осыпанъ отъ Россіи благодарніями, и онъ же былъ первымъ до входа Французовъ, проповѣдовавшій повиновеніе новому правительству и произносившій отвратительныя рѣчи. И только одинъ Минскій епископъ, назначенный по выбору нашего правительства, былъ удаленъ изъ епархіи, но не лишенъ сана, какъ это слѣдовало сдѣлать за проступки и образъ его дѣйствій, словно изступленнаго Якобинца. Однимъ словомъ, милосердіе велико, но не слѣдуетъ, чтобы оно было зловредно, и у насъ на это не обращаютъ вниманія. Слѣшкомъ добры!

*

Петербургъ, 18 Мая 1813.

Меня сейчасъ предупредили, что канцлеръ отсылаетъ курьера въ Лондонъ сегодня въ 6 часовъ вечера. Поѣдетъ Бутеневъ¹⁾, служащій въ канцеляріи графа Румянцова. Осмѣливаюсь рекомендовать его вашему сіятельству, какъ прекраснаго человѣка съ большими заслугами и твердыми устоями. Достаточно сказать для его рекомендаціи, что ему особенно покровительствуетъ графъ Александръ Салтыковъ, первоначально помѣстившій его въ канцелярію иностранныхъ дѣлъ. Ваше сіятельство по приложенному билету узнаете о приглашеніи, сдѣланномъ мнѣ канцлеромъ; это, чтобы передать мнѣ 30 экземпляровъ гравированнаго портрета графа Михаила. Онъ сопровождалъ этотъ даръ фразами и комплиментами безъ конца, отъ передачи которыхъ я васъ пощажу, такъ какъ они имѣютъ мало значенія отъ человѣка его закала. Одинъ экземпляръ онъ далъ мнѣ, остальные въ распоряженіе графа Михаила. Ваше сіятельство по праву должны получить первый, хотя канцлеръ ни словомъ не обмолвился про васъ²⁾. Правда, онъ никогда этого не дѣлаетъ. Говорятъ, что онъ объявилъ о своемъ отъѣздѣ на Макарьевскую ярмарку и ждетъ разрѣшенія Государя. Жаль, что до сихъ поръ его не получаетъ.

¹⁾ Это Аполнаріи Петровичъ Бутеневъ, Записки котораго во Французскомъ подлинникѣ изданы его сыномъ графомъ К. А. Хрептовичемъ-Бутеневымъ, а Русскій ихъ переводъ предварительно помѣщенъ имъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1881 и 1883. Выдержки изъ этихъ Записокъ, о 1812 годѣ, вышли отдѣльною книжкою (Москва 1912 г.). П. Б.

²⁾ Намъ неизвѣстенъ этотъ портретъ будущаго фельдмаршала. П. Б.

Сраженіе при Лютцовѣ и смерть главнокомандующаго были сообщены намъ въ одинъ и тотъ же день. Эту смѣсь общихъ радости и горя можно сравнить развѣ съ извѣстіемъ о побѣдѣ при Трафальгарѣ. Но различіе большое: Англія имѣла гѣмъ замѣнить Нельсона, а мы ищемъ въ Россіи и во всей Европѣ замѣстителя князю Смоленскому и не находимъ! Для боевой славы можно рассчитывать на всѣхъ нашихъ генераловъ, но головы, чтобы руководить всѣмъ, не существуетъ послѣ горестной смерти великаго Кутузова.

*

Царское Село, 2 Іюня 1813.

Я огорченъ сверхъ мѣры, графъ, безпокойствомъ, которое причинилъ вамъ, сообщивъ Ея Величеству копію письма, довѣреннаго мнѣ вами. Неопытность ввела меня въ заблужденіе. Зная мнѣніе о лицѣ, которому было адресовано письмо*) и полное согласіе чувствъ Ея Величества съ вами по отношенію къ нему, я считалъ возможнымъ сдѣлать это сообщеніе безъ всякаго риска и ущерба, тѣмъ болѣе, что я былъ какъ бы вызванъ на то рядомъ вопросовъ, о которыхъ я вамъ въ свое время сообщалъ. Никакой бѣды, конечно, не произошло, но я продолжаю быть въ отчаяніи отъ превышенія приказаній вашего сіятельства, ибо это обстоятельство огорчило васъ и навлекло на меня заслуженные упреки. Зло остается безъ поправки, но я могу извлечь на будущее полезный урокъ не позволять вести себя собственными сужденіями въ дѣлѣ подобнаго рода, неукоснительно слѣдовать приказаніямъ и больше ничего. Умоляю ваше сіятельство простить мнѣ эту ошибку, послѣднюю, какъ я надѣюсь, и принять съ благоволеніемъ выраженіе моего искреннаго раскаянія. Копія отослана графу Михаилу и болѣе у меня не находится.

Не менѣе огорченъ я, графъ, что заслужилъ ваши упреки гѣмъ, что имѣлъ смѣлость написать вамъ относительно графа Растопчина и адмирала Чичагова. Конечно, ни мои года, ни мое положеніе не дозволяютъ мнѣ судить государственныхъ людей съ такимъ высокимъ положеніемъ; сверхъ того, у меня не въ характерѣ становиться на ту, либо на другую сторону, если бы таковыя и были, ни громко и публично высказываться о дѣйствіяхъ политическихъ или частныхъ въ такихъ выраженіяхъ, кои могли бы имѣть послѣдствія; но разъ существуетъ общество и мнѣніе, называемое общественнымъ, выразившееся такъ ярко и наглядно въ прошломъ году, я считалъ по своему скромному разумѣнію, что меньше самонадѣянности быть согласну съ большинствомъ

*) Это вице-капидеръ графъ Румянцевъ. П. Б.

общества, нежели олицетворять въ себѣ одномъ противное. Часто популярность пріобрѣтается неизвѣстно чѣмъ; съ другой стороны, непопулярность часто бываетъ несправедлива и незаслужена. Ободряемый вашимъ сіятельствомъ давать вамъ подробныя извѣстія всего, что происходитъ, я не удержался изобразить вамъ картину того, что здѣсь думаютъ объ этихъ двухъ личностяхъ. Я сдѣлалъ это съ безграничнымъ довѣріемъ къ вашему сіятельству, чтобы исполнить ваше желаніе знать все. Съ своей стороны, если я и выразился противъ нихъ, то этимъ руководило только одно побужденіе, которое, я увѣренъ, ваше сіятельство найдете правымъ: вражда и сведеніе личныхъ счетовъ съ главнокомандующимъ, и ваше сіятельство знаете, кто изъ троихъ оказалъ больше заслугъ отечеству. Я не могу забыть посланій изъ Ярославля, забыть время, когда заговорили о Паленѣ, Бенигсенѣ и т. д., какъ о главнокомандующихъ; признаюсь, это сильнѣе меня. Никто не имѣетъ болѣе высокаго мнѣнія о талантахъ графа Р. и адмирала, нежели я, и дай Богъ, чтобы у насъ побольше было людей съ ихъ достоинствами; но къ этому позволю прибавить одно пожеланіе: пусть они руководятся однимъ желаніемъ блага, безъ примѣси личныхъ расчетовъ. Въ заключеніе умоляю ваше сіятельство быть увѣреннымъ, что на меня не имѣютъ вліянія ни мнѣніе министровъ, не имѣвшихъ счастья заслужить одобреніе народа, ни мнѣніе двора, ибо я его совсѣмъ не знаю, строго держась съ самаго начала непосредственныхъ сношеній съ Ея Величествомъ и болѣе ничего: ни одного шага ни впередъ, ни вправо, ни влѣво.

Этотъ образъ дѣйствія заслужилъ одобреніе Ея Величества съ самаго начала, и я рѣшилъ держаться его всю свою жизнь, чтобы избѣжать сплетень двора и города. Совѣты, даваемые вашимъ сіятельствомъ съ чисто отеческой заботою и усиливающіе во мнѣ, если возможно, чувства благодарности, уваженія и преданности, такъ согласны съ путемъ, намѣченнымъ мною, что я, безъ сомнѣнія, никогда не сверну съ него и докажу мое послушаніе и благодарность, которыми я вамъ обязанъ за столько благодѣяній и которыя никогда не изгладятся ни изъ сердца моего, ни изъ памяти.

*

Петербургъ, 12 Іюня 1813.

Тѣло покойнаго князя Смоленскаго перенесено изъ Сергіевскаго монастыря близъ Стрѣльны въ Казанскій соборъ. Я счелъ священною обязанностью, вмѣстѣ со всѣми, присутствовать при этой горестной церемоніи, которая вызвала слезы у тѣхъ, кто имѣлъ понятіе о любви къ родинѣ и о памятныхъ заслугахъ этого великаго человѣка. Надо

было видѣть этотъ наплывъ народа изъ города и окрестностей, воодушевленіе его, не допустившее, не смотря на настоянія, просьбы и даже приказанія властей, чтобы катафалкъ везли лошади: нѣтъ, за двѣ версты отъ города выпрягли лошадей, и до Казанскаго собора не было недостатка въ благонамѣренныхъ гражданахъ чтобы нести гробъ на плечахъ и двигать катафалкъ. Блескъ и пышность церемоніи не могли сравниться съ этимъ трогательнымъ зрѣлищемъ. Оно было полно великихъ воспоминаній и сопровождалось значительнымъ количествомъ войскъ. Государь, давъ полную свободу въ расходахъ по погребенію, отмѣнилъ статутъ, учрежденный Павломъ I-мъ, по которому погребальное шествіе фельдмаршала сопровождалось только 3 батальонами, столькими же эскадронами и нѣсколькими пушками. Тутъ участвовали всѣ войска, находившіяся въ окрестностяхъ, что составило 11 батальоновъ, 7 эскадроновъ и нѣсколько орудій. Честь, оказанная такимъ образомъ спасителю государства, произвела очень хорошее впечатлѣніе на народъ. Сегодня Императрицы были въ городѣ на панихидѣ и затѣмъ посѣтили со всей семьей вдову этого великаго человѣка. Завтра состоится погребеніе въ самомъ Казанскомъ соборѣ, который онъ за одну только кампанію наполнилъ трофеями. Лучшаго памятника не можетъ быть; видя эти трофеи, вспомнишь, что останки великаго человѣка положены тутъ же и съ уваженіемъ подойдешь къ нимъ.

Письмо вашего сіятельства я получилъ по возвращеніи съ этой церемоніи. Оно навело меня на многія размышленія. Мнѣніе, высказанное вами по поводу движенія за Эльбу, оказалось пророческимъ. Что сдѣлаемъ мы и къ чему поведетъ насъ это перемиріе, заключенное вопреки всякому ожиданію,—вопросъ, на который никто не отвѣтитъ, ибо нашего генія-покровителя, на котораго опиралось все довѣріе, вся надежда, не взирая на многочисленныхъ враговъ и безстыжихъ хулителей (ибо они всѣ ниже какого либо соперничества), болѣе нѣтъ. Завтра воздадимъ ему послѣднія почести. И въ какую тяжелую муну! Мысль о ней ужасна; ея удваивается болѣзненное чувство. Ужасаешься за будущее, такое невѣрное и тревожное.

*

Царское Село, 10 Августа 1813.

Ваше сіятельство узнаете гораздо раньше этого письма о возобновленіи военныхъ дѣйствій, объявленныхъ намъ черезъ курьера, прибывшаго три дня тому назадъ. Надежда и довѣріе всеобщіи во всѣхъ письмахъ изъ главной квартиры, и успѣхъ этой кампаніи почти обезпеченъ. Самъ Государь пишетъ, какъ говорятъ, что мы имѣли прево-

сходство арміи на 150.000 людей и можемъ въ общемъ разсчитывать на 500.000 штыковъ (я предполагаю, съ ландверомъ и т. д.). Скоро извѣстія стануть очень живы. Пишуть также, что особенно Австрія скандализована и возмущена чрезвычайными требованіями Бонапарта. Неужели она до сей поры была въ заблужденіи? Все равно,—она съ нами, и князь Горчаковъ говорилъ мнѣ, что его братъ (довольно способный генераль) двинулся со своимъ корпусомъ въ Богемію, чтобы соединиться съ Австрійцами и открыть вмѣстѣ кампанію. Этого генерала знаютъ и любятъ въ Австріи.

Единственная занимательная новость, которую я могу сообщить вашему сіятельству, это—новая просьба графа Румянцова объ отставкѣ. Онъ, кажется, наконецъ возмущился сверхъ мѣры. Онъ говорилъ всѣмъ, включая и дипломатическій корпусъ, что въ теченіи трехъ мѣсяцевъ не имѣетъ никакого отвѣта отъ Государя. Такой отзывъ далъ онъ Англійскому консулу за обѣдомъ у герцога Серра-Каприола по поводу нѣсколькихъ паспортовъ, которые Байлей просилъ у него давно. Наконецъ пришло письмо Его Величества о нѣкоторыхъ дѣлахъ его вѣдомства. Письмо объ Англійской субсидіи онъ прочелъ Гурьеву, чтобы вмѣстѣ принять нужныя распоряженія, и при томъ сказалъ ему, что повторилъ просьбу объ отставкѣ съ курьеромъ, отосланнымъ въ тотъ же день. Онъ повторялъ тоже здѣсь и въ Павловскѣ, но только Кочубею прочелъ письмо Государя полностью, а этотъ другъ разсказалъ многимъ, такъ что содержаніе стало извѣстнымъ. Государь, какъ причину невзятія его съ собою въ главную квартиру, выставляетъ то, что не разсчитывалъ никогда на дипломатическіе переговоры и, дѣйствительно, были только переговоры, не могущіе ни къ чему повести; единственная надежда основывалась на оружіи, и, объявляя ему о возобновеніи военныхъ дѣйствій, Государь указываетъ, что ему нечего бы было дѣлать при арміи. Однако онъ умалчиваетъ о переговорахъ съ Австріею и объ Англійской субсидіи. Онъ кончаетъ письмо предложеніемъ ему оставаться на своемъ посту до его возвращенія въ Петербургъ и надеждою, что до того времени онъ измѣнитъ свое рѣшеніе; но если и тогда повторить просьбу, то онъ охотно приметъ его отставку. Графъ Р., повѣривъ содержаніе письма графу К., сказалъ, что тотчасъ же отправилъ курьера съ просьбою объ отставкѣ и что для него невозможно оставаться, *что онъ хочетъ показать Его Величеству, что съ порядочными людьми нельзя обращаться какъ съ лакеями и къ тому же его отставка доставитъ удовольствіе людямъ, ищущимъ его мѣста* и среди которыхъ Его Величеству останется только сдѣлать выборъ. Изъ сего видно, что онъ, кажется, задѣтъ за живое. Можно ли было предположить, чтобы

въ немъ скрывалось сознание чести! Въ общемъ думаютъ, что теперь Его Величество приметъ отставку. Достоверно, что все имѣющее отношеніе къ послѣднимъ политическимъ дѣяніямъ главной квартиры вполне чуждо ему и его канцеляріи, и въ послѣднее время онъ являлся только хранителемъ архивовъ и актовъ, къ коимъ нисколько не былъ причастенъ.

Пока совсѣмъ не знаютъ, кого назначать на его мѣсто. Мѣсяць тому назадъ называли графа Ростопчина, котораго въ Москвѣ замѣнить князь Горчаковъ, а послѣдняго здѣсь—Тормасовъ; но это былъ слухъ, заглохшій, какъ много другихъ, и все остается въ неизвѣстности. Наши дѣла вовсе не процвѣтаютъ при графѣ Нессельроде, и я опасаясь, какъ бы выборъ не былъ окончательно плохъ, судя по столькимъ выборамъ за послѣдніе годы.

Графъ Морковъ здѣсь, но не думаютъ, что его назначать на этотъ постъ. Я его недавно видѣлъ; каждый разъ спрашиваетъ онъ про васъ и проситъ вамъ о себѣ напомнить.

Скажу по секрету вашему сіятельству, что всѣ подробности о графѣ Р. я знаю отъ графа Литты¹⁾, къ которому К. явился, запыхавшись, сообщить все, что читалъ и слышалъ отъ Р. Графъ Литта замѣтилъ, что К. не прочь занять постъ Р., но, кажется, Его Величество слишкомъ хорошо его знаетъ и оцѣниваетъ, чтобы не бояться новаго несчастія для нашей дипломатіи.

*

Царское Село, 17 Сентября 1813.

Канцлеръ объявилъ, что не вернется въ городъ и скорѣе заимуетъ въ деревнѣ, нежели поселится въ канцлерскомъ домѣ и вступить въ него только для сдачи дѣлъ. Онъ сдѣлалъ эту декларацію передъ 20 лицами, прибавя, что ждетъ съ нетерпѣніемъ отставки и свободы. Онъ, видимо, въ полномъ отчаяніи, узнавъ, сколько важныхъ дѣлъ обсужено и рѣшено безъ его участія, о которыхъ онъ вовсе и не помышлялъ. Ему даже не сообщили о ходѣ настоящихъ сношеній между союзными дворами, такъ что каждое рѣшеніе является для него неожиданностью и усиливаетъ огорченіе видѣть, какъ его обошли Нессельроде и Анштедтъ. Готовятъ ему домъ на Галерной²⁾ для его пріѣзда въ началѣ зимы, и Богъ съ нимъ! Я желаю ему всякаго покоя, лишь бы онъ только не вредилъ дѣламъ и не имѣлъ бы возможности вредить имъ.

¹⁾ Оберъ-церемоніймейстера. П. Б.

²⁾ На Галерную выходилъ и тотъ домъ (нынѣ дворецъ Великаго Князя Павла Александровича), гдѣ, до перевоза въ Москву, находился Румянцевскій Музей. П. Б.

*

Петербургъ, 29 Сентября 1813.

Послѣдніе дни нѣтъ никакихъ новостей. Арміи, видимо, оставались на прежнихъ позиціяхъ, къ несчастію для Бонапарта, терявшаго людей безъ боя отъ голода, недостатковъ и усталости. Лучше всего на это указываютъ перехваченныя письма, которыя ваше сіятельство вѣрно уже читали и снова найдете въ прилагаемой газетѣ. Есть и другія письма неоспоримо достовѣрныя, какъ Бертье, Коленкура и др., кои будутъ напечатаны.

Со вчерашняго дня распространился слухъ, что Бонапартъ въ Лейпцигѣ, послѣ того какъ взорвалъ укрѣпленія Дрездена, мы—въ Галле, а Блюхеръ перешелъ Эльбу. Все болѣе чѣмъ вѣроятно, но нѣтъ прочнаго и подлиннаго основанія для этой вѣсти. Ген.-адъютантъ князь Волконскій пишетъ, что Баварія и Виртембергъ объявили себя на сторонѣ праваго дѣла. Это сообщеніе считаютъ за очень вѣрное, чтò находятъ и герцогъ Серра-Каприола, ибо князь почти никогда не сообщаетъ политическихъ новостей. Въ письмѣ находится замѣчательное выраженіе: „Вотъ на 60.000 людей болѣе, чегò мы раньше не имѣли и позиціи, каковыхъ Бонапартъ уже не найдетъ“. Если все это точно, то я не постигаю, какъ сможетъ чудовище отвести не только свою армію, но и свою особу во Францію. Къ несчастію, извѣстіе слишкомъ хорошо, а чтò слишкомъ хорошо, тому нельзя легко повѣрить въ нашъ вѣкъ. Даже относительно дѣлъ, каковы они теперь, я постоянно боюсь дурного оборота со стороны Австріи, склонной къ продажности, и этотъ Меттернихъ производитъ такое же впечатлѣніе, какъ нашъ Р. въ былое время. Эстафеты изъ Вѣны принесли извѣстіе о занятіи Триеста Австрійцами.

Черезъ три дня состоятся здѣсь похороны генерала Моро *) съ военными почестями. Тѣло его выставятъ послѣ завтра въ Католической церкви. Увѣряютъ, будто его вдова получитъ 100.000 пенсіи. Этотъ знакъ великодушія соотвѣтствуетъ величію имперіи и ея властелина; онъ достоинъ также памяти великаго человѣка, павшаго за правое дѣло и спасеніе міра. Но когда подумаешь, что вдова спасителя родины, безсмертнаго князя Смоленскаго, ждетъ до сихъ поръ указа о полученіи жалованья своего супруга, не зная до сихъ поръ, чтò ей дадутъ, и запуталась въ дѣлахъ, то нельзя не огорчиться при сравненіи. Говорятъ даже и съ большой увѣренностью, что ей дадутъ только

*) Какъ извѣстно, Моро, личный врагъ Наполеона, былъ убитъ, стоя рядомъ съ Александромъ Павловичемъ, который тутъ и въ другихъ случаяхъ обнаруживалъ полную неустрашимость. П. Б.

19.000 ассигнаціями, содержаніе, которое главнокомандующій получалъ серебромъ, переступивъ границы Россіи. Этотъ излишекъ великодушія съ одной стороны и скупости съ другой не укладывается въ головѣ. Раньше не нашли бы достаточно сокровищъ вознаградить заслуги подобнаго Кутузова, даже въ отдаленнѣйшемъ его потомствѣ, чтобы сохранить родъ, столь драгоценный для родины *).

Есть извѣстіе о прибытіи Вандама въ Москву. Потребовалась вся бдительность, чтобы спасти его отъ рукъ народа; не только полиція, но и нѣсколько отрядовъ гарнизона были необходимы для его личной безопасности. Графъ Р. помѣстилъ его въ верхнемъ этажѣ Сухаревой башни, дабы онъ могъ созерцать дѣло своего хозяина и соотечественниковъ. Однако, хотѣлось бы, чтобы его заставили проѣхать за Уралъ.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Стихи, найденные въ общественномъ саду въ Берлинѣ въ видѣ транспаранта, въ вечеръ иллюминаціи по поводу занятія Москвы Французами.

Durchmarschiren.	Войска пропускать.
Einquartiren.	Квартиры давать.
Alimentiren.	Ихъ же питать.
Requisiren.	Реквизиціи брать.
Conscribiren.	Конскриптовъ хватать.
Frau einführen.	Женъ похищать.
Haus verlieren.	Домъ свой терять.
Nicht resoniren.	Не смѣть толковать.
Und doch illuminiren.	А все иллюминовать.
Das ist zum krepiren.	Осталось что? Окалѣвать!

*

Петербургъ, 18 Октября 1813.

Графъ Бутурлинъ пріѣхалъ дней двѣнадцать тому назадъ. Онъ представлялся Ея Величеству царствующей Императрицѣ и преисполненъ радости отъ трогательнаго вниманія, которое Ея Величество выказываетъ къ его плачевному положенію и къ невозградимымъ потерямъ. Графиня на этихъ дняхъ пріѣзжаетъ изъ Бѣлкина. Они не были въ Москвѣ, и графъ далъ обѣтъ никогда не бывать въ ней. Безъ сомнѣнія, никто

*) Н. М. Лонгиновъ еще не зналъ, что семьѣ Кутузова (супругѣ и пяти дочерямъ) назначена была стотысячная пенсія, и при томъ вѣчная, такъ что потомки Кутузова и до сихъ поръ получаютъ ее. П. Б.

не потерялъ такъ много, какъ онъ; все его счастье¹⁾ погребено подъ грудями пепла.

Есть слухъ, распространившійся здѣсь съ нѣкоторыхъ поръ, о повышеніи графа Михаила въ чинъ генерала отъ инфантеріи. Онъ не можетъ быть вѣренъ, судя по мнѣнію Государя на этотъ счетъ; но очень пріятно видѣть, что общество воздастъ ему по заслугамъ. Этотъ слухъ сталъ общимъ, ибо всѣ считаютъ его достойнымъ такого повышения, предпочтительно передъ другими. Чтò достоверно и чтò подтвердилъ мнѣ самъ князь Горчаковъ, это—письмо принца-регента (prince royal) къ Его Величеству, гдѣ онъ пишетъ: „чѣмъ болѣе онъ узнавалъ графа Михаила и оцѣнивалъ его качества и достоинства, тѣмъ болѣе убѣждался, что графъ Михаилъ не на своемъ мѣстѣ, будучи достоинъ командовать самостоятельно, а не оставаться подъ началомъ Винценгероде; что онъ умоляетъ Его Величество повысить его, какъ для него самого, такъ и для блага службы; что это повышение онъ считаетъ необходимымъ для командуемой имъ арміи, такъ какъ это повышение развяжетъ ему руки относительно Русскаго корпуса, входящаго въ ея составъ“⁴. Копію этого письма прислали князю Горчакову²⁾, и я знаю про то отъ лица, читавшаго ее у него. Онъ самъ говорилъ мнѣ тоже. Я не посмѣлъ попросить показать ее мнѣ, ибо я знаю, до какой степени князю тягостно оставаться здѣсь, слѣдуя приказамъ и повторяемымъ просьбамъ Его Величества, хотя онъ просился въ армію, и сознавалъ, что онъ продолжаетъ оставаться генералъ-лейтенантомъ, тогда какъ младшіе его получаютъ милости, двигаются впередъ или получаютъ ордена, высшіе, нежели онъ, отягченный дѣлами, сложными и многочисленными въ данное время.

Усиленно говорятъ, что Татищевъ не поѣдетъ больше въ Испанію и долженъ вернуться сюда, чтобы стать вторымъ (а въ дѣйствительности первымъ) чиновникомъ для веденія иностранныхъ дѣлъ. Утверждаютъ даже, что графъ Р. намекнулъ на него нѣкоторымъ лицамъ, удивляясь, что *Т., въ бытность въ Лондонъ, выказалъ таланты, коиъ онъ въ немъ не замѣчалъ.*

Изъ арміи нѣтъ ничего значительнаго, развѣ что Бонапартъ, видимо, окруженъ и теряетъ голову. Декларация Баваріи и Виртемберга должна его неминуемо погубить. Послѣдній курьеръ привезъ приказы отослать на родину всѣхъ плѣнныхъ Баварцевъ. Кажется, и

¹⁾ Т. е. утрата сгорѣвшей въ Москвѣ библіотеки. П. Б.

²⁾ Военному министру. П. Б.

Данія скоро послѣдуетъ этому примѣру, такъ какъ Бломъ¹⁾, должествующій выѣхать отсюда на этихъ дняхъ, получилъ разрѣшеніе остаться.

*

Петербургъ, 21 Октября 1813.

Графъ Р. получилъ съ послѣднимъ курьеромъ письмо отъ Его Величества, въ которомъ, какъ говорятъ, находятся двѣ знаменательныя фразы: „Чтобы *доказать* вамъ, что я во Франкфуртѣ, посылаю вамъ письмо вашего друга Бетмана“²⁾ и дальше: „Спѣшу увѣдомить васъ, что наши три авангарда (или летучіе отряды) перешли Рейнъ“.

Это весьма похоже на двѣ пощечины.

Лордъ и лэди Литтлтонъ³⁾ здоровы и чувствуютъ себя здѣсь прекрасно. Всѣ въ восторгѣ отъ нихъ и выказываютъ имъ уваженіе, вполне заслуженное. Ея Величество говорила мнѣ съ большою похвалою про обоихъ и про лэди Л. въ особенности. Она нашла въ сей послѣдней пріятное обращеніе, привлекательный способъ выражаться, непринужденность и благородную откровенность. Это заставляетъ меня думать, что они останутся довольны своимъ пребываніемъ и даже продолжать его, чтобы увидѣть окрестности весною. Я отыскалъ имъ хоршее помѣщеніе, куда они переѣдутъ завтра.

*

Петербургъ, 22 Октября 1813.

Прежде чѣмъ ѣхать въ Казанскій соборъ на благодарственное молебствіе Всевышнему за блистательную побѣду подъ стѣнами Лейпцига, не могу лишить себя удовольствія отослать при семъ копію письма графа Михаила, которое я получилъ вчера вечеромъ черезъ генераль-адъютанта Кутузова, гонца этой вѣсти.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

„Любезный Николай Михайловичъ! Поздравляю васъ съ достопамятною побѣдою вчерашняго числа и съ сегодняшнимъ занятіемъ Лейпцига. Вы все узнаете по реляціямъ. Вчера было сраженіе, по послѣдствіямъ первое изъ всѣхъ прежде бывшихъ. Въ первый разъ Бонапарте совершенно уступилъ мѣсто и признался побитымъ. Сегодня же, форсируя Лейпцигъ, мы взяли десятка полтора генераловъ,

¹⁾ Датскій при нашемъ дворѣ посланникъ.

²⁾ Извѣстнаго банкира. П. Б.

³⁾ За чѣмъ они пріѣзжали къ намъ? П. Б.

20.000 плѣнныхъ, Лористона, Ренъе, пропасть пушекъ. Понятовскій, говорятъ, утонулъ. Я сегодня видѣлъ императора Австрійскаго и короля Саксонскаго. Сей послѣдній, кажется, въ числѣ плѣнныхъ; войска же его вчера перешли во время сраженія и тотчасъ начали драться противъ Французовъ. Вчера ружейный огонь не былъ такъ великъ, а канонада сильнѣе Бородинской. А сегодня я чуть-чуть не попался въ руки двумъ взводамъ Французскихъ кирасировъ, въ серединѣ города, когда занимали. Прощайте, будьте здоровы^(*), и пр.

Лейпцигъ, 7 (19) Октября 1813.

Р. С. Я вскрываю письмо, чтобы объяснить, какъ графъ Михаилъ едва не сталъ плѣнникомъ. Оказывается, по свидѣтельству Кутузова, что онъ вошелъ въ Лейпцигъ первымъ во главѣ 14-го полка стрѣлковъ. Князь Горчаковъ сказалъ мнѣ, сейчасъ, что Государь пожаловалъ ему орденъ св. Александра.

*

Петербургъ, 3 Ноября 1813.

Утверждаютъ, будто въ одной статьѣ нашего соглашенія съ Австріей сказано, что Австрійская династія (т. е. Марія-Луиза) должна царствовать во Франціи. Я не сомнѣваюсь въ доброй волѣ Австріи, но такъ какъ идегъ дѣло о вооруженіи всей Французской націи для своей собственной защиты, то она сама сдумаетъ спросить отчета у Бонапарта и всей его адской породы, и тогда эта статья будетъ для Австріи недѣйствительна, ибо удостовѣрено, что никогда Французы не потерпятъ у себя Австрійцевъ; на Австрію падеть только стыдъ имѣть на рукахъ не императрицу, а госпожу Бонапартъ съ ея незаконнымъ ребенкомъ. Бонапартъ, говорятъ, уѣхалъ въ Парижъ; было бы дѣйствительно чудомъ, если бы онъ показался тамъ, какъ послѣ послѣдней кампаніи и удержался даже и теперь на окровавленномъ и колеблющемся тронѣ.

Баварія, говорятъ, послѣдовала примѣру Австріи, потребовавъ для пасынка, Богарнэ, герцогства Пармское, Піаченцу и Модену, что было исполнено. Эта династія, слишкомъ грубая по происхожденію, чтобы возбудить въ комъ либо сомнѣніе, сможетъ, пожалуй, удержаться, тѣмъ болѣе, что будетъ царствовать въ земляхъ никому не принадлежащихъ, какъ скоро гнусная Корсиканская порода не осмѣлится именовать себя династіей. Вотъ понятія, кои я имѣю на сей счетъ. Ваше сіятельство, разумѣется, знаете, согласилась ли Англія на эти условія, обстоятельство столь же неизвѣстное мнѣ, какъ и канцлеру имперіи, который еще менѣе освѣдомленъ.

*) Письмо это писано по русски. П. Б.

Ваше сіятельство оказали мнѣ однажды честь, заговоривъ о женитьбѣ графа Михаила; я желаю этого болѣе, чѣмъ кто либо. Всѣ его друзья раздѣляютъ наши пожеланія, и никто лучше его не можетъ быть отличнымъ отцомъ семейства, дать счастье своей женѣ, произвести для родины лучшихъ дѣтей и потомковъ одной изъ прославленнѣйшихъ фамилій. Это побуждаетъ меня говорить съ вашимъ сіятельствомъ напрямикъ. Здѣсь есть двѣ невѣсты, которыхъ я не знаю лично, но про нихъ всѣ отзываются очень хорошо. Къ красотѣ онѣ присоединяютъ примѣрные нравы и образъ дѣйствій; это—княжна Трубецкая изъ Москвы, дочь камергера, и графиня Салтыкова, внучка фельдмаршала Николая Ивановича, дочь его слѣплого сына. По смерти матери, три года назадъ, она стала матерью для своихъ младшихъ сестеръ. Есть много и другихъ достойныхъ, но мое мнѣніе, что эти двѣ заслуживаютъ предпочтенія. Меня нельзя заподозрить въ пристрастіи, такъ какъ я не имѣю чести знать ихъ лично. Если бытъ пристрастнымъ, то я желалъ бы его женитьбы на графинѣ Ордовой, которую знаю достаточно. Она не обладаетъ красотою, но пріятна и къ большому уму присоединяетъ отмѣнный образъ дѣйствій. Желаю этого брака единственно по той причинѣ, что никто лучше графа Михаила не сѣмѣетъ использовать это громадное богатство.

*

Петербургъ, 27 Декабря 1813.

Ваше сіятельство уже до полученія этого письма будете знать о важной новости, занимающей здѣсь всѣ умы. Я говорю объ отъѣздѣ Ея Величества за границу по приглашенію Государя. Никогда не было такой всеобщей радости; можно сказать, что и уѣзжающіе, и остающіеся опьянены радостью и удовлетвореніемъ самымъ живымъ. Дай Богъ, чтобы надежды общества не оказались призрачными. Отъѣздъ состоится послѣ завтра, 29-го. Ея Величество приказала мнѣ готовиться къ ея сопровожденію, и я восхищенъ какъ никто; но и мнѣ хотѣлось бы скорѣе уѣхать: настолько усталость, предшествующая путешествію, тягостна. Не смотря на то, что со времени этого приказа были двѣ отправки почты, у меня не было ни минуты сообщить вашему сіятельству о немъ и о распоряженіяхъ, отданныхъ совмѣстно съ Постниковымъ по вашимъ дѣламъ. Ея Величество сказала, что путешествіе можетъ продолжиться самое большее 5 или 6 мѣсяцевъ. Дабы не произошло какого либо ущерба выгодамъ вашего сіятельства, считаю долгомъ сообщить вамъ о вышеупомянутыхъ распоряженіяхъ. Постниковъ будетъ наблюдать за всѣмъ, и я предписалъ управляющимъ Москвы, Круглаго и въ Финляндіи обращаться къ нему и спрашивать его приказаній по всѣмъ вопросамъ.